

НЬЮФАУНДЛЕНД

Вадим Бурковский

Вадим Бурковский Ньюфаундленд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40200909

ISBN 978-5-4496-0147-6

Аннотация

История о художнице, оказавшейся в секретной китайской Клинике-816, где пациентов готовят к длительному путешествию во времени. Эту книгу проиллюстрировала Шаста Фэй (Осипова). Благодарю Шасту за консультации по вопросам искусства и выставочной деятельности, а также за то, что отредактировала и дописала многие значимые части этого романа, кроме того, выражаю признательность Александру Никитину за работу над этой книгой. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	28
17 ноября	28
18 ноября	40
19 ноября	42
20 ноября	47
21 ноября	61
26 ноября	62
27 ноября	63
1 декабря	68
2 декабря	94
6 декабря	100
7 декабря	124
8 декабря	130
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Ньюфаундленд

Вадим Бурковский

© Вадим Бурковский, 2019

ISBN 978-5-4496-0147-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

– Нюйши Сибольт! Нюйши Сибольт! Проснитесь! Вы слышите меня? – взывал с экрана доктор Лян.

– Да. Что случилось?

– Возникли... – Лян Шоушан подбирал слово – осложнения. Включите новости.

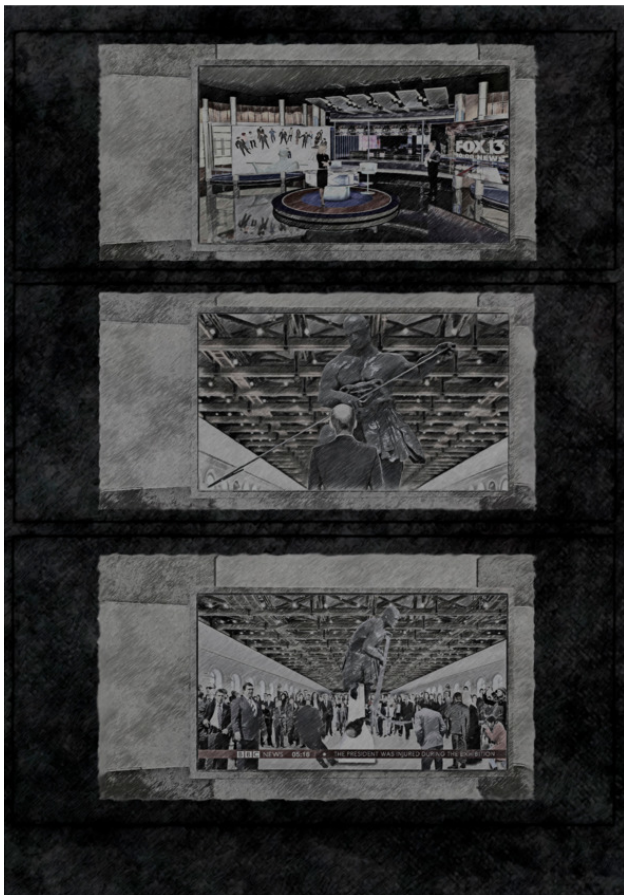
Приглашённые гости в студии Fox News – двое поджарых, в шерстяных костюмах мужчин послепятидесяти и неопределённого возраста дама, в легкомысленном жёлтом платье, затеяли спор, обсуждая причину, которая могла привести диктатора на выставку современного искусства.

– Всем известно – произнёс, теребя подбородок, один из мужчин, поглядывая на свою визави, скрестившую под столом загорелые, неприлично длинные ноги – классические диктаторы, за исключением Муссолини, предпочитали искусство традиционное.

Любительская, вертикально кадрированная запись мобильного телефона. Человек в тёмном костюме подходит к каменному пьедесталу, останавливается, нерешительно оглядывается. В кадр попали деревянные балки перекрытий, затем камера фокусируется на блестящей поверхности пола.

– Да что вы тянете кота за хвост!

ВВС News транслировал профессиональную видеозапись. Телеканал, с комментариями, повторял эпизод, в котором статуя идола, широко размахнувшись, отделяла голову от тела диктатора.

Мужчина в студии CBS:

– Я прилетел сегодня, вот уменьшенная реплика ста-

туи-сувенир, купил её на выставке.

– Как же все произошло?

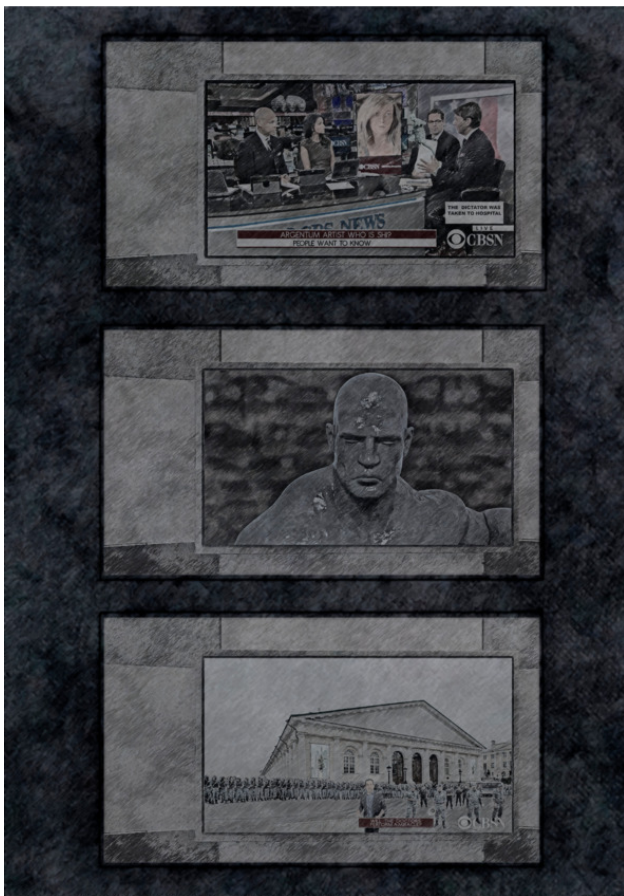
– Открытие, как обычно, предвляло шоу – в зал ворвались религиозные активисты-погромщики. Наличие религиозных вандалов – национальная традиция, показатель высокого уровня культурного мероприятия. Эти «маргиналы» брызгали на статую какой-то жидкостью, плевались, вопили и бились о постамент головами. Некоторые гневно обличали посетителей, не оскорбляя, впрочем, никого действием. После того, как секьюрити вывели участников шоу за дверь, моё внимание сосредоточилось на скульптуре, внутри которой скрыт механизм с пружиной.

Два раза в день, при большом стечении посетителей, механизм активировался, глаза идола разгорались красным светом. Он смотрел в пустое пространство, перед собой и начинал задавать свои вопросы, приблизительно так: «Ты Роберт Мугабе?» Публика, собравшаяся вокруг, отвечала: «Нет!» Статуя продолжала: «Ты Омар Башир?» Со всех сторон слышалось: «Нет!»

Статуя перечисляла всех, ныне здравствующих тиранов. Когда доходила до имени их почитаемого лидера, публика хором отвечала: «Да!» Голос, доносящийся из бронзового чрева идола, приказывал: «Встань в круг». После этого гигантская статуя начинала медленно замахиваться своей косою. Дойдя до крайней точки, статуя повторяла вопрос. После ответа «Да», идол взмахивал косою над тем местом, ко-

торое отмечено на полу кругом.

Мое описание – лишь бледный оттиск драмы, которая разыгралась в стенах этого выставочного зала. Пока я следил, как медленно движется заточенное лезвие косы, мои ноги ощущали вибрацию пола – электромотор, через гидропривод, загонял энергию в огромную пружину. Вдруг тугой удар. Острая коса режет воздух. Энергетика мгновенно передается публике.

– А кто автор статуи?

В разговор вступил второй гость, художественный критик.

– Это австрийская художница, которая выставляет свои

произведения под ником «Аргентум». По-видимому, она не сможет насладиться триумфом, так как некоторое время назад решила заморозить свое тело в какой-то китайской клинике. Наверное, это тоже своеобразный перформанс – усмехнулся знаток искусства.

– Тебе бы такой перформанс – вслух подумала Ольга.

– Вы знаете, что это за клиника?

– Нет.

Ведущий программы прикрыл пальцем ухо.

– Нам хочет разъяснить что-то политолог, специалист по Китаю, Томас Рассел.

– Клиника «Кровь дракона» расположена в полутора тысячах километрах от Пекина, в округе Чунцин. Клиника является мировым лидером в области крионики, что связано с наличием достаточного количества специалистов, а также с тем, что Китай отличается либерализмом законов в области генной инженерии и клонировании. Несколько лет назад, вы, наверное, слышали, было продемонстрировано животное, лиса, которую на 30 дней заморозили, потом вновь вернули к жизни.

– Клиника расположена, как я уже сказал, в округе Чунцин, на месте знаменитого Объекта-816. Объект-816 – это огромный подземный город. Во времена холодной войны

здесь строился завод по производству ядерных боеголовок. Большая часть бюджета Китая, в течении семнадцати лет, направлялась на строительство этого сооружения. Внутри горы, в толще гранита, прорублено более 20 километров тоннелей, комплекс сооружений включает огромные комнаты, высота которых достигает 80 метров. После того как произошел крах Советского Союза, строительство прекратили. Вначале в бункере открыли туристический объект, затем комплекс подземных сооружений заняла клиника «Кровь Дракона».

– А почему клиника расположена под землей?

– Под землей, насколько мне известно, располагается хранилище. Считается, что в толще земной коры меньше влияние космической радиации и замороженные клетки человеческого тела лучше сохраняются.

Следующий репортаж вел журналист CBS:

– Я нахожусь возле здания выставки, где произошел несчастный случай. Здание окружено полицейскими. Мне сказали, что такое количество полиции необходимо, чтобы охранять важные улики. В столице введено особое положение. Президента увезли в госпиталь.

Потом что-то долго объясняли молодые люди в черной одежде, с бородами и суровыми лицами. Один из них ткнул пальцем в экран, прямо в Ольгу и медленно провел большим пальцем себе по горлу. Она отошла к окну.

– Я и в этой стране-то никогда не была. Как же всё произошло?

Вспомнился эпизод в мастерской. Она вылепливала лицо статуи при естественном освещении, из окна. Вечерело, увлеклась и не заметила, что работает почти в темноте. Спустившись с помоста, посмотрела еще раз, снизу, на свою работу. Голова статуи, обычно повернутая в профиль, сейчас смотрела на нее. Ольга, тогда вышла из мастерской спиной вперед.

Из оцепенения вывел голос Лян Шоушана.

– Что вы намерены делать?

– Я уже давно все обдумала, но хотелось еще немного по-

быть здесь, так красиво...

Показала в сторону окна, тройные стеклопакеты которого почти полностью поглощали шум водопада. Лян Шоушан слегка улыбнулся.

– Спасибо, пейзаж за окном выполнен по моему эскизу. Если вы определились, могу вас немного успокоить – подготовка организма к процедуре криоконсервации занимает весьма продолжительное время. А сейчас нужно оформить бумаги, к вам поднимется наш юрист.

Оделась. В дверь постучали.

– Здравствуйте, фрау Сибольт. Меня зовут юрист Кан Фанг.

– Здравствуйте, юрист Кан.

Прошли в гостиную.

– Сначала, относительно сути. Чтобы наши специалисты смогли приступить к лечению, вы должны подписать договор. Никакие изменения в положениях договора не допус-

каются. Согласно условиям все, кто проходят через шлюз, включая персонал, больше не могут покинуть наше лечебное учреждение. Если вы окажетесь на территории клиники, лечение будет проведено вне зависимости, какое решение вы примете после того, как переступите ее порог. Обычно я призываю наших клиентов хорошо подумать и многие изменяют свое решение, когда оказываются перед входом. Но в вашем случае, я считаю, должен сообщить все, что знаю по этому делу, а вы смотрите, как вам лучше поступить. Информацию я получил от одного правительственного чиновника, с которым говорил накануне. Пожалуй, не осталось никого в трезвом уме, кто не вздохнул бы с облегчением, услышав вест о внезапной кончине диктатора. Даже осыпанные благодеяниями, служившие этому царю воров с пёсьей преданностью, погружались в унылое раздумье, когда старый диктатор порой хихикал и обещал устроить всем «ба-альшой ба-бах». Но тот кто расправится с вами, получит преимущество в борьбе за власть в этой стране. По вашему следу уже устремились фанатики и психопаты, которых пестовал старый диктатор. Возможно, преемник диктатора потребует вашей выдачи. Я знаю, вы уже согласились, но помните об этом, когда окажетесь перед дверью.

– Юрист Кан, я твердо решила пройти курс лечения в вашей клинике.

– Тогда подпишите это. Сегодня – семнадцатое ноября. Учитывая обстоятельства, я указал дату заключения нашего

договора – одиннадцатое ноября.

На секунду задумавшись какое из имён поставить, подписала.

– Хорошо. По нашей традиции вы сами должны пройти от вашего номера до двери в клинику. Когда выйдете из лифта, направляйтесь по желтой линии. Прощайте. Я, возможно, тоже заморожу свое тело, но позже, позже.

Кан Фанг сочувственно посмотрел на неё, поклонился и закрыл за собой дверь.

Появилось ощущение – за ней кто-то наблюдает. Ольга медленно повернула голову. В гостиной, на ковре, сидел черный варан. Он не мигая следил за ней, только высовывал и снова убирал, чтобы смочить слюной, свой длинный язык.

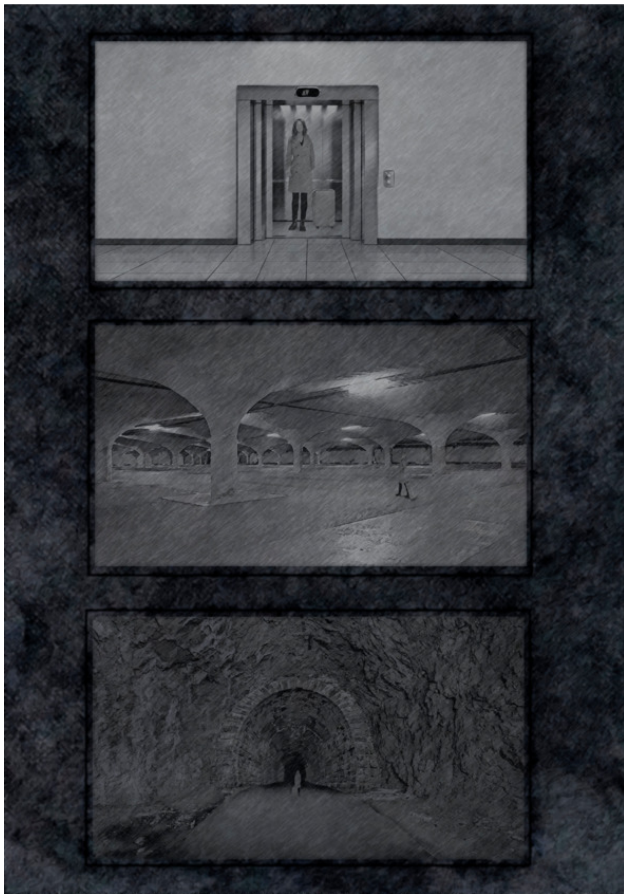
– Вот и ты, дружок.

Ольга, не выпуская зверя из вида, забилась в самый угол дивана, достала из упаковки таблетку, разжевала, заедая яб-

локом.

– Подождём.

Постепенно варан стал прозрачным, сквозь него проступил рисунок ковра. После того, как от животного остался лишь неясный силуэт, собрала вещи в чемодан, надела пальто, вышла в холл. Лифт уже ожидал её. Кто-то из постельцев отеля пытался выйти на раннюю утреннюю пробежку, безуспешно проворачивая ручку заблокированной двери. Как только Ольга оказалась в лифте, кабина пришла в движение, спустившись ниже нулевого этажа. Двери открылись в обширном подвале. Ольга подняла голову. Бетонные опоры, на которых покоился отель, скрывались в темноте.

Пока колеса ее чемодана, с глухим грохотом, катились по раздолбанному асфальту времён холодной войны, узнаем, что же произошло на выставке, чтобы больше не возвра-

щаться к этому.

Накануне диктатора навестил главный религиозный управляющий. Среди прочего, он посетовал: приближается большой религиозный праздник, а у него нет религиозного чуда, чтобы многочисленным культовым клеркам было о чем вещать в культовых зданиях, телевизорах, интернетах, школах и воинских формированиях.

Одновременно диктатор вспомнил, ему докладывали о том, что некая статуя, на выставке, сносит предположительно его, диктаторову, голову. Об индексе своей популярности он вообще никогда не забывал.

Все эти мысли сошлись и представилось как он, подтянутый и решительный, проходит в зал под объективы телекамер. Но идол, порождение леваков – хипстеров, не посмеет взмахнуть своей косой. Ведь убить способен лишь человек особой породы...

Он вызвал начальника охраны и приказал обездвижить статую, но не ломать, а сделать так чтобы временно не работала. Весь свой замысел раскрывать, однако, не стал. Начальник поручил это своему заместителю, тот отправился к рабочим, которые занимались монтажом и приказал заблокировать механизм. Рабочие установили на место болты, предназначенные для транспортировки и отправились по домам. Только парни не слышали таких слов, как текучесть металла и не знали, что поворотный механизм был рассчитан для работы на карьерном экскаваторе.

Утром диктатор встал в бодром расположении духа, приказал отвезти свое тело на выставку. В сопровождении охраны и многочисленных шпииков, число которых превосходило количество посетителей, направился напрямиком к статуе. Только взглянув на идола, внезапно понял, что ему совсем не хочется подходить ближе, потянуло назад, в уют лимузина. Но на него смотрели, глупо было бы сейчас развернуться и уйти. Уже рядом с куском зеленой бронзы его животная интуиция, десятилетиями помогавшая сохранять власть, нашептывала: «Что-то не так». Но тот же голос твердил, что если сейчас не подойдет, поймут: испугался, ослаб, можно нападать. Еще была возможность постоять поодаль, сразить всех заготовленной хохмой и убраться к себе. Но... все его шуточки закончились. А ноги сами переступали: раз, два.

Вот он уже у подножия статуи. Глаза идола разгораются, он задает какие-то вопросы. Вкрадчиво загудели эвольвентные зубья шестерён. Вначале статуя была неподвижна, но внутри что-то стукнуло, спровоцировав хватательный рефлекс у тренированных охранников и коса стала медленно удаляться, сжимая пружину.

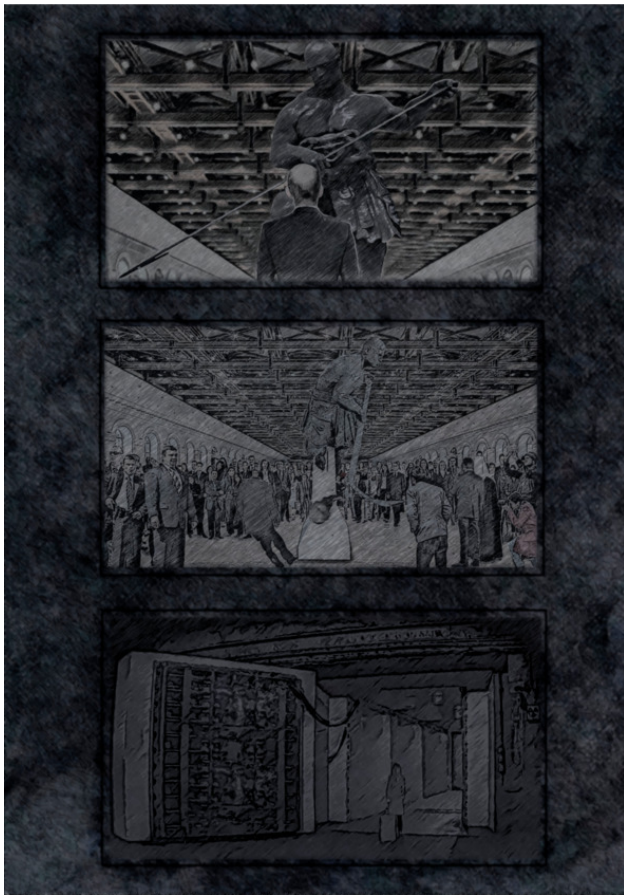
– Не может быть, они же все сделали точно, как обычно. Это, наверное, так и задумано.

Статуя задала последний вопрос. Ответ застрял у диктатора в горле – понял сейчас, в эту секунду, он ТУДА не хочет... Что угодно – предательство подельщиков, международный уголовный суд... Диктатор беспомощно оглянулся.

– Зачем я здесь? Что я здесь делаю?

Какой-то скалящийся, прыщавый подросток в толпе крикнул: «Да!». Раздались смешки. Титановая коса, погоняемая мощными пружинами, устремилась вперед. Начиная с этого момента ни одно существо, состоящее из костей, мышц и нервов не могло избежать встречи с нею. Окна, пол, зеваки, охранники закрутились с невероятной скоростью и так же внезапно все остановилось. Перед ним стояли чьи-то ботинки.

– Господи, прости мне все.

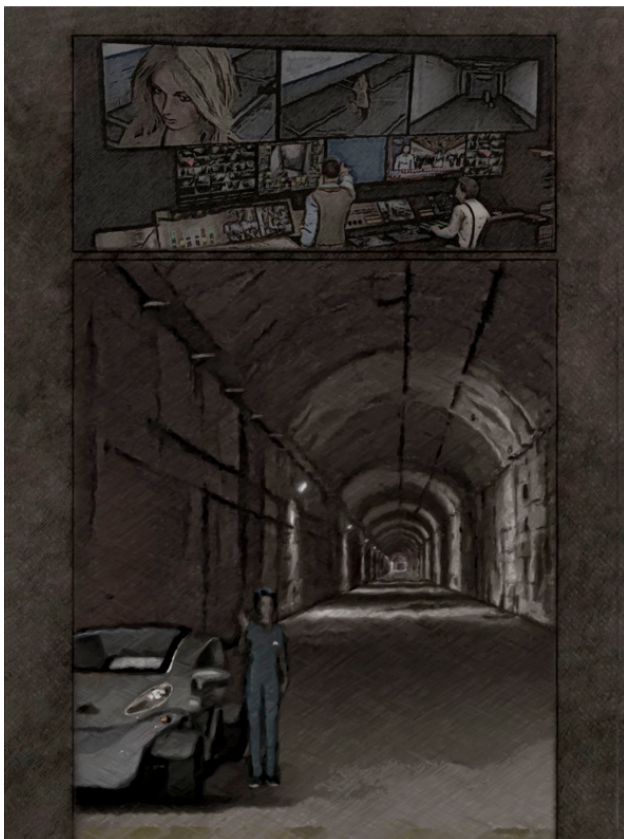

Ольга остановилась перед дверью в бункер. Резко пахло растворителем большое пятно свежей краски. Из-под серого цвета проглядывала закрасненная надпись: «НЕ ВХОДИ

СЮДА». Приказав себе не думать, перешагнула порог. Где-то далеко заработал мотор, пятиметровая железобетонная дверь стала медленно закрываться. После того, как задвинулись стальные ригели за спиной, накрыла вялая безразличность.

Часть 2

17 ноября

Через минуту плавно распахнулись вторые ворота, впуская в широкий коридор с овальным сводом. Ее встречала миниатюрная женщина, рядом с таким же крохотным автомобильчиком. Когда Ольга приблизилась, она поклонилась и поздоровалась.

– Ни хао, ньюши Сибольт Агатия. Меня зовут медсестра Шэн Тинг. Я доставлю вас к профессору Чану.

Ольга поклонилась в ответ.

– Ни хао, старшая медсестра Шэн.

– Не заходите, пожалуйста, за эту линию.

– А что будет, если зайти?

Медсестра удивленно:

– Не знаю, никто не пробовал – потом, слегка улыбнувшись – почти никто.

И принялась укладывать чемодан Ольги в корзинку, позади автомобиля. Начали усаживаться. Тут произошло небольшое замешательство. Сиденье было одно на двоих и Ольге никак не удавалось засунуть ноги под приборную панель. Тогда Шэн отодвинула кресло назад, а для себя достала подушку. Наконец они устроились и поехали по...

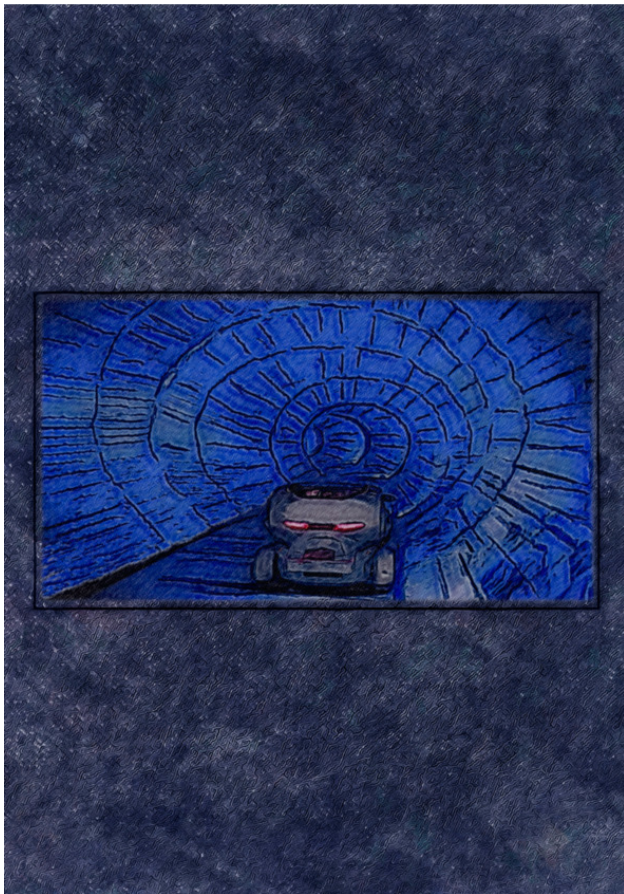
– Это проспект Конфуция – пояснила Шэн.

От проспекта перпендикулярно отходили ответвления поуже и... Ольга вытянула шею.

– Диагональ, – указала Шэн.

Свернули в один из переулков, его цилиндрической фор-

мы стены оказались залиты ярко-синим светом.

– Медсестра Шэн, что за психоделия?

– Здесь проходили выставки современного искусства, когда ещё водили туристов. После того как открылась клиника, господин Лян решил не убирать их, ну, чтобы...

– У вас крыша не поехала?

Шэн едва заметно поморщилась.

– И как, помогает?

– В сочетании с другими мерами, да.

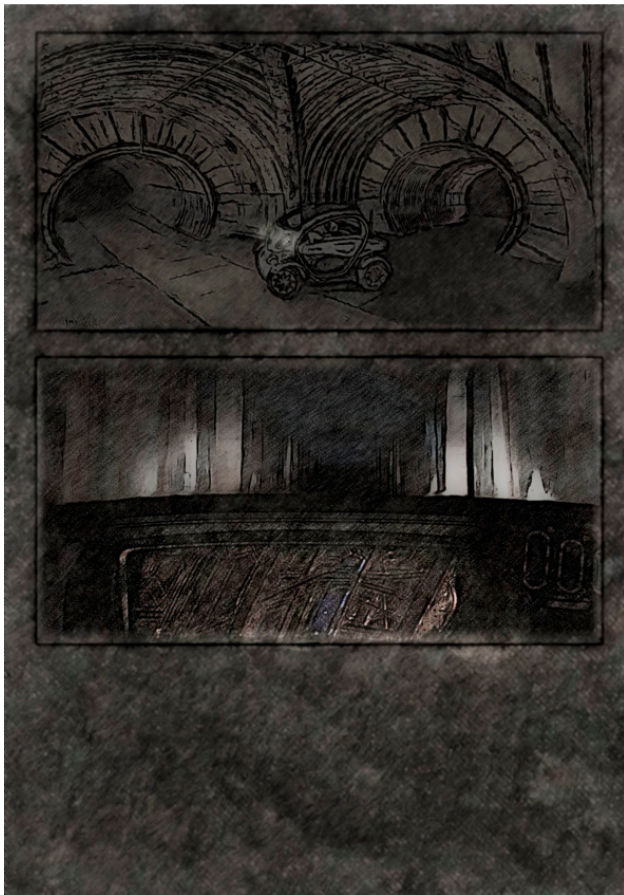
Шэн несколько раз сворачивала, выныривая из узких, тряских, тоннелей на широкие, асфальтированные улицы, потом вновь углубляясь в «кротовые норы».

– Мне всё это напоминает... тасселяции Эшера. Медсестра Шэн, а как вы здесь ориентируетесь?

– Если б вы перевезли столько лаоваев, сколько я, то уже никогда бы не забыли эту драконью тропу, мисс «любительница искусства» – подумала Шэн.

– Выручает навигатор, – ответила Шэн, включив экран – посмотрите, мы вот здесь.

На приборной панели засветилась карта. По лабиринту медленно передвигался синий треугольник.

– А что это тут написано: «Уровень – 1»?

– У Клиники-816 три этажа. Я работаю на первом. Здесь пациенты проходят начальную стадию лечения. Затем их пе-

реводят на второй уровень, а потом на третий – в хранилище.

Ольга поежилась от слова «хранилище».

– Приехали.

Шэн припарковала машину вплотную к стене. С противоположной стороны, вдоль по коридору, уходил в темноту ряд стальных дверей. Шэн, упёршись, с трудом открыла одну из них.

– Просто беда, эти двери нам достались от Объекта-816.

Жестами предложила войти в тамбур с бетонными стенами и офисной деревянной дверью поменьше, за которой открылся большой лекционный зал.

– Подождите здесь, я позову профессора.

Огляделась. Обычная аудитория, только без окон. Под столами – скомканная бумага, пластиковые стаканчики, огрызок карандаша... Ольга нагнулась, подобрала листок. Рядом с формулами, поясняющими транспорт кислорода и углекислого газа эритроцитами крови, та же шариковая ручка изобразила слегка наивный, перегруженный деталями, рисунок девушки-китаянки.

– Ни хао, ньюйши Сибольт. Мое имя – профессор Чан Фа, я разъясняю пациентам суть нашей методики и веду образовательные программы для медицинского персонала.

- Здравствуйте профессор Чан.
 - Вначале покажу вам небольшой промо ролик.
- Ольга села на стул, который указал профессор, в аудито-

рии стало почти темно.

Голос за кадром: «Клиника «Кровь Дракона» является мировым лидером в области крионики. В нашей технологии мы используем очень низкую температуру, чтобы сохранить вашу жизнь. При температуре жидкого азота прекращаются все химические процессы в организме, сохраняя его на долгие годы в неизменном состоянии. В нашей клинике решена главная проблема криоконсервации – повреждение клеток человеческого организма кристаллами льда.

Другая проблема, которую успешно разрешили наши специалисты – быстрое разрушение клеток мозга после остановки кровотока. При осуществлении процедуры криоконсервации, по нашей методике, отсутствует временной промежуток между биологической смертью и началом крионических процедур. В результате мозг наших пациентов сохраняется в идеальном состоянии.

Практическим подтверждением наших исследований стало замораживание, а затем успешное возвращение к жизни лисы Шумейен (переводится «Спящая красавица»).

Наша компания берет на себя ответственность надежно, без повреждений на молекулярном уровне, сохранить ваш мозг и другие органы. Развитие науки позволит, в будущем, неограниченно продлевать вашу жизнь. Таким образом, вы приобретаете намного больше, чем наши скромные усилия и место в хранилище. Вы получаете вечность!

На начальной стадии пациенту проводится операция по

замене печени и почек на электромеханическое устройство, которое устанавливается в брюшной полости. Эта операция безболезненна, так как проводится под общим наркозом. Дальнейшее лечение будет заключаться в терапевтическом воздействии.

Мы уверены, что наши усилия и ваше терпение приведут к желанной цели – вашему биологическому бессмертию!»

Фильм закончился.

– Ничего себе, косметические процедуры. А для чего потребовалось вырезать мои печень и почки?

– Эти органы быстро разрушаются от препаратов, которые воздействуют на ваш организм, кроме того, они выводят действующие вещества, снижая терапевтический эффект. Ваши печень и почки пройдут отдельную программу криоконсервации, в будущем их можно будет вернуть на место. Итак, каким будет ваше решение?

– Ваш юрист предупредил, что лечение будет проведено без моего согласия. К чему же этот вопрос?

– На самом деле это не так.

– ?

– Насильно в операционную вас никто не потащит. У нас здесь не «Отряд-731». Юрист клиники уполномочен говорить это пациентам, чтобы они подходили более ответственно к принятию решения. В клинике в настоящее время проживает около шестидесяти человек, которые не решились на проведение операции. Мы считаем их временно негото-

выми. Некоторые, однако, уже дожили до своей естественной смерти. Наши специалисты заморозили их согласно контракту. Но без лечения это, фактически, замороженные трупы, без возможности восстановления.

– И сколько будет длиться лечение?

– Курс рассчитан шесть или восемь месяцев, в зависимости от особенностей организма.

– Значит, шесть месяцев. Когда вы можете...?

– Пока вы находились в отеле, у вас взяли все необходимые анализы и подготовили к операции. Наши специалисты готовы приступить прямо сейчас.

– Тогда давайте начнем.

Профессор Чан, видимо, не привык к такой решительности и был озадачен ее быстрым ответом.

– Вы принимали какие-нибудь лекарства сегодня?

– Принимала, но дело не в этом.

Ольга вспомнила об утреннем хвостатом госте. Повторить здесь биографию Камиллы ей совсем не улыбалось.

– Пройдемте со мной.

Профессор Чан открыл дверь, за которой оказался небольшой кабинет с учебными пособиями по медицине и биологии, здесь же ожидала сестра Шэн.

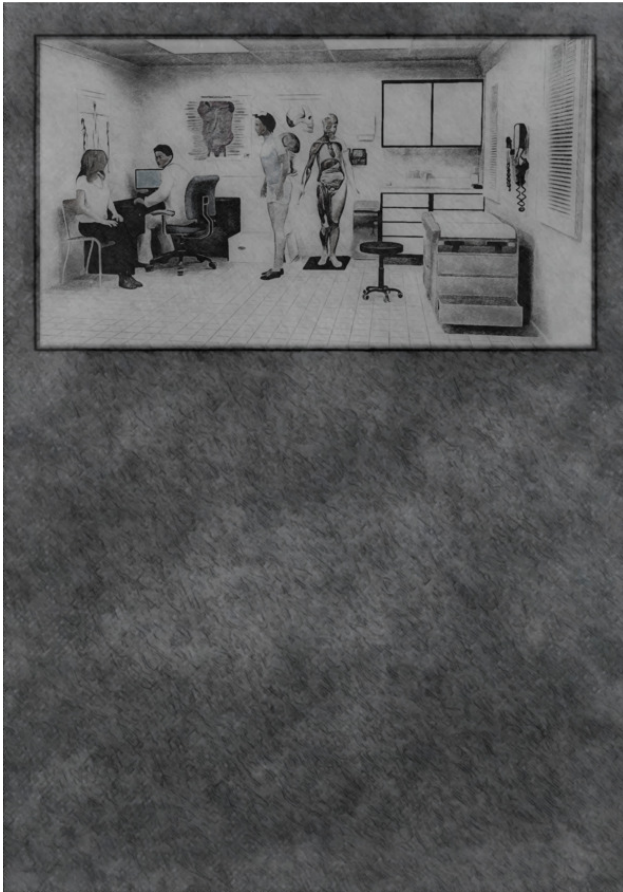
– Присядьте, пожалуйста.

Чан Фа развернул лэптоп, чтобы ее лицо попадало в видеокамеру.

– Итак, вы согласны на проведение операции?

– Да.

– Прилягте здесь.

Жесткая, покрытая простыней, кушетка. Шэн коснулась прохладным тампоном, уколола, совсем не больно. Почувствовала, как уходит сознание. На потолке мигал красным точечный индикатор пожарной сигнализации, от непрошеного тёмного пятна, в углу, отделилась крошечная трещина.

– Усыпили, как кошку – почему-то подумалось ей.

18 ноября

– Нюйши Сибольт, как вы себя чувствуете?

Попыталась сказать: «Хорошо», но язык не слушался.

Прозвенел чей то голос: «Ха синь ла».

19 ноября

Проснулась от того, что ныло в животе. Не сильно, но постоянно и неприятно. Подняла голову, пожаловалась дежурной. Медсестра вернулась со шприцем, сделала укол.

– Как ваше самочувствие?

Кивнула.

– Хотя...

Достав из под простыни...

– Моя рука! Вы мне чужую пришили?!!

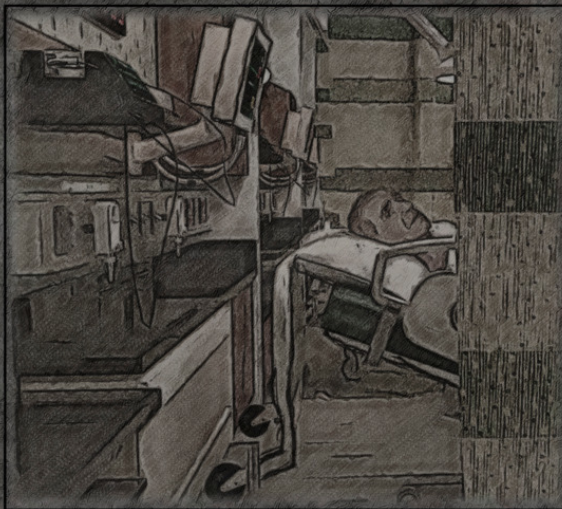
– Успокойтесь, ваша рука в порядке, это последствия наркоза.

Вернув голову на подушку, отключилась.

В очередной раз, когда Ольга пожаловалась, медсестра ответила, что она уже превысила суточную норму лекарств и нужно подождать доктора. Когда стрелочные часы напротив отмерили 15 минут, стало так больно, что запаниковала, попыталась сменить позу, подтянула ноги, сползла с приподнятой половины кровати. Как будто внутрь живота зашили раскалённый кирпич. Перемена положения помогла, но ненадолго. Медсестра поняла, уколола, заглушив на время тревожные сигналы от нервных окончаний.

Мозг, в этот раз, не стал погружать её в реабилитационную спячку, дал возможность осмотреться. Из отверстий под потолком пробивался похожий на солнечный свет. Вид-

но, по местному времени, наступило утро. Распахнулась дверь. Дежурная вскочила со своего места, встала навытяжку. В сопровождении свиты медсестер (положение обязывает) к Ольге приблизился харизматичный китаец.

– Ни хао, нуйши Сибольт Агатия. Я ваш лечащий врач, Най Ронг. У Вас есть, что сообщить мне?

– У меня сильно болел живот – взгляд на часы – десять

минут назад. Но мне уже лучше.

– Ваше состояние вполне естественно, вам сделали операцию по имплантации внутренних органов. Операция прошла успешно, но некоторое время будет беспокоить – брюшина сильно иннервирована.

Доктор просмотрел медицинскую карту.

– Я заменю обезболивающее на другое, не менее эффективное.

– Эпидуральная анестезия? – поинтересовалась одна из сестёр.

– Могут быть неврологические осложнения. Внутривенная. Если будет беспокоить, скажите дежурной, она вам поможет.

Сделал записи, потом вся группа переместилась к другому пациенту и доктор принялся давать распоряжения – задавать вопросы кому-то, за ширмой. Исполнив ритуал, процессия удалилась. Ольга тихо позвала:

– Эй, там есть кто?

Ответил мужской голос.

– Да. Мне неудобно говорить так. Вы не против, если ширму немного подвинут?

– Конечно, нет.

Мужчина попросил медсестру отодвинуть занавеску. Ольга взглянула на своего собрата. Это оказался немолодой, судя по цвету лица, угнетённый недугом человек. Обычно поверхность тела подсвечивается изнутри кровеносными сосу-

дами, как давно заметили голландские художники, писавшие первый слой ярко-красными мазками. Его кожа не содержала этих, идущих изнутри, оттенков жизни, по крайней мере сейчас.

– Здравствуйте. Меня зовут Залман Горвиц.

– Здравствуйте. А я Агатия Сибольд.

– Мне знакомо ваше имя, откуда я могу знать его?

– Возможно, вы слышали о моих работах, я художница.

– Да, да, теперь припоминаю. Это вы сделали ту ужасную инсталляцию, в Венеции?

– Хм, ужасную. Мне доводилось работать в Венеции.

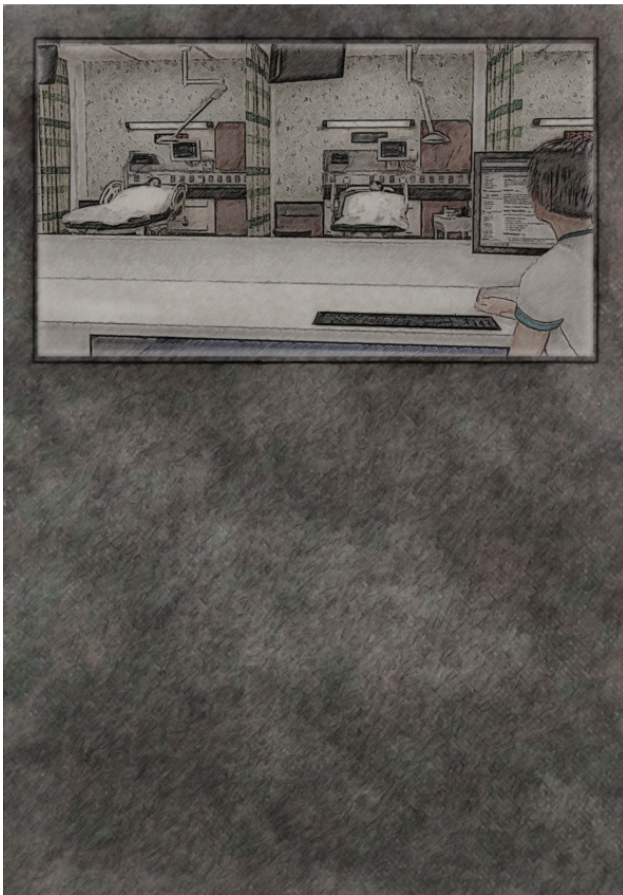
– Я не хочу иметь с вами ничего общего – отрезал Залман Горвиц и отвернулся.

– Как хотите.

У неё сейчас не было никакого желания общаться. Ольга снова заснула.

20 ноября

Живот беспокоил меньше, по крайней мере, пока сохраняла неподвижность. Оглядевшись, заметила на полочке своего соседа пузырек с лекарством для увлажнения слизистой оболочки носа.

Попросила медсестру принести личные вещи. Когда ей прикатили на медицинской тележке бежевый чемодан, вытащила оттуда коробку из нержавеющей стали с замком, ввела

код. Протянула руку к соседней тумбочке, взяла флакончик с каплями для носа. Открыла крышку, вылила содержимое на полотенце. Потом достала из своей коробки ампулу, отломилла стеклянный кончик и перелила содержимое во флакончик с каплями, завинтила крышку и поставила на место. Достав из чемодана аудиокнигу, надела наушники.

Через некоторое время мужчина на соседней кровати, закрутил головой, вытащил руку из под одеяла и принялся тереть лицо. Видно, ко всем своим недугам бедняга страдал еще и от сухости носа. Он открыл глаза, огляделся, неодобрительно покосившись на Ольгу, взял свои капли, впрыснул содержимое в носовые пазухи. Ольга засекала время. Через четыре минуты обратилась к своему соседу.

– Мистер Горвиц. Вы могли бы сформулировать яснее. Чем вы недовольны? Я что, по-вашему, похожа на Менгеле?

Взгляд Залмана задержался на Ольге. Определённо, она имела мало общего с печально известным ангелом смерти.

– Вы знаете, я видел Вашу инсталляцию, когда приезжал в Италию со своими студентами.

– Так вы что, преподаёте?

– Преподавал. Естествознание.

– Хорошо, а то с некоторыми мы общаемся на разном английском. Так вы говорите, были на том острове?

– Да, я приезжал на Сан-Джорджо.

– Ну и как?

– Вы спрашиваете меня как? Я сразу заметил эти мрачные

грузовики, стиль «милитари» так не идёт Венецианской лагуне.

– Чего же вы пошли, если было так противно?

– Противно? Правильное определение. Я всё же предпочитаю разобраться, что же хотел сказать автор. Помню эти зелёные, как жабы, машины, ограждения, надпись на железных перилах: «Закрото на ланч». Вокруг висел отвратительный запах, не пойму чего...

– Это была специально приготовленная смесь ароматов: от тряпок, в которых лежали мертвые собаки, дизельного топлива, жжёных волос и краски.

– О! Азохн вей! В кузове лежал какой-то гадкий брезент с прилипшими волосами, перила с отпечатками липких рук, из треснувшего шланга капало что-то вонючее. Я подошел

к фургону с закопченными трубами и вдруг понял, что это такое. Будто этот багерзумпф ненадолго покинули и молох вскоре заработает. Мое лицо ощутило жар нагретого металла, эти запахи, пятна чего-то скользкого на полу. Я бросился бежать. Это было настолько реально. Как вы могли сделать такую мерзость! Я не могу поверить, что это сделали вы!

– Когда работала над этой инсталляцией, испытывала похожие ощущения. Тем более я человек основательный, все агрегаты вполне функциональны. Вы зашли на минуту, а я возилась с этим реквизитом два непростых месяца, но оно того стоило.

– Отчего же?

– Видите ли, пятьдесят третья Архитектурная Биеннале получила название «Репортаж с фронта». В больших городах между группами людей возникают тектонические напряжения. Художников попросили поразмышлять об этом.

– И вы предложили решить вопрос окончательно...

– От моей воли, в данном случае, мало что зависит. Давайте расскажу по порядку, возможно без подробностей трудно понять.

– Да-да. Если произведение искусства нуждается в пояснениях, это кое-что говорит о его достоинствах...

– Возможно. Тем не менее, продолжаю. Я предполагала, что работы других участников будут рекламой архитектурных бюро или попросту благодушны – леворадикальный дискурс давно отдалился и от этики, и от логики. Я взялась раз-

ворошить этот муравейник. Нашла спонсора, владельца завода по производству цемента, его звали Борух. Этот человек оказался с отменным чувством юмора, когда я рассказала ему концепцию, он сначала долго смеялся, а потом распорядился перевести мне нужную сумму.

– Да уж, мобильный крематорий, очень смешно...

– Я поехала на склад металлического лома, в пригороде Пармы, нашла подходящие грузовики и подобрала прочий реквизит для моей инсталляции: люки, трубы, горелки. Там хозяйничала Норма, итальянка. Деловая тетка, лет пятидесяти. До хрипоты спорила с владельцами подержанных машин о цене на их рухлядь, обжигала изоляцию с проводов, когда ветер дул от жилых кварталов – Норма вела семейный бизнес. Она помогла уладить финансовые вопросы с рабочими. Здесь же я покрасила машины в замечательный цвет хаки и немного состарила поверхность огнем горелки.

Сложности начались в порту. Венеция – очень дорогой город, то же касается портовых услуг. Стоимость доставки плавучим краном поглотила почти всю наличность. Когда я установила экспонаты, у меня не осталось денег на демонтаж, а это условие недвусмысленно было прописано в контракте. Мне уже приходили в голову дурные мысли, после окончания выставки, ночью, столкнуть эти грузовики, с парапета, прямо в лагуну.

– Я так и знал, вы просто хулиганка!

– Да, бывало всякое... Денег на гостиницу тоже не оста-

лось и я ночевала прямо в печи.

– Но почему вы не обратились к родителям? Я бы помог своей дочери, что бы она там ни придумала...

– Види те ли, Залман, мой папа – профессор журналистики, а мама корреспондент ZDF и я окончательно рассорилась с отцом после одного случая, в университетском кампусе...

– Но при таких родителях вы должны были стать типичной левачкой.

– Да, тем более меня окружали друзья отца и с детства я «варилась» в густом соусе, приправами к которому были: коммунизм, социализм, маоизм, мультикультурализм, и постмодернизм.

– Но что же тогда?

– Некоторые студентки на факультете биологии, где я училась, испытавшие приступ коллективного психоза на митинге, стали доносить на преподавателей, которые имели неосторожность слишком вольно, по их мнению, объяснять гендерные различия. По сути, это была попытка контролировать наши мысли, ограничивая лексику.

Задумалась...

– Что же с вами случилось на острове?

– На острове? Ах, да. Помню, очень доставали активистки. Как только я отлучалась, тут же писали на машинах левачки лозунги и чертили знаки. В то время я была весьма энергичная перфекционистка и считала, что мои экспонаты должны выглядеть аутентично. Я ненадолго покинула

мой остров, купила нитроэмаль (она оказалась самая дешевая и быстро сохла), растворители и перекрашивала машины кистями. Когда я, в очередной раз, восстанавливала узор хаки, эти идиотки кидались помидорами и яйцами. Окончательно одурев от испарений растворителя, я отправилась мыть голову в морской воде, доставая из волос помидорные семечки.

Меня окликнул продавец сувениров, которого обитатели Сан Джорджо (церковный сторож и полоумный продавец раскрасок) звали Гуерино. Он наблюдал за моими злоключениями, как я цыганила там и предложил комнату, рядом, на острове Файзолла, за совсем символическую плату. Я ответила ему, что если отлучусь ночью, эти ненормальные, пожалуй, могут перекрасить мои машины целиком. К вечеру, однако, активисток не было, зато я заметила молодых людей, которые молча, глядя сквозь меня, проплыли на лодке. Стычки с активистками, мысли об отсутствии денег и безвыходность ситуации держали меня в напряжении, обострили инстинкты. Я почувствовала, что будет лучше воспользоваться предложением Гуерино, не испугалась, просто поняла, что так нужно сделать. Мне удалось нормально помыться и выспаться впервые за много дней. А утром мне сказали: «На острове случился пожар». Еле дождалась вапоретто, чтобы добраться до моих экспонатов.

Вокруг закопченных железяк уже собрались любопытные и журналисты. Кто-то ночью замотал проволокой дверь в моё

убежище и закинул внутрь бутылку с горючим. Поскольку там же я хранила растворители и краску, машина сгорела целиком. Изогнутый пламенем люк никак не хотел открываться. Журналисты ждали спасателей, когда достанут под их профессиональные объективы мой обгоревший труп. Я подошла к ним и процитировала слова сенатора Лонга о том, что фашизм будущего станет называться антифашизмом, о том, что я думаю по поводу экспонатов на выставке «Репортаж с фронта», предложив макет жилого комплекса для «беженцев» сразу обнести вышками и колючей проволокой чтобы локализовать преступность. Меня обвинили в том, что я сама подожгла машины, «цинично эксплуатирую институцию», «использую левые методы в правых целях» и вообще – популистка.

На следующий день мою инсталляцию демонтировали, чем я была вполне довольна, поскольку денег, как я уже сказала, у меня не осталось. Организаторы, впрочем, не остались внакладе – от шумихи с этими экспонатами пресс-досье выставки распухло так, как барышни на полотнах художника Кустодиева. А меня это научило двум вещам: более основательно планировать финансовую сторону проектов и доверять своим инстинктам.

– Но вы так и не сказали, по поводу концепции. Для чего всё это?

– Я уже говорила, что изучала биологию. И вот с этой, естественнонаучной позиции, мне очевидно – какую бы бла-

гожелательную чушь не внушали людям, возникают ситуации, когда логическое мышление блокируется, стоп-сигналы не срабатывают и общество, дискретно, превращается в стаю, движимую инстинктом самосохранения. Моя инсталляция – предупреждение. Вы слышали, в Берлине недавно прошло факельное шествие? Ну, ну, успокойтесь, это не за вами.

Залман не понимал. Поначалу он испытывал неприязнь к этой женщине, но после того, как она завела разговор, Залману показалось, что, пожалуй, с ним еще никто не общался так откровенно и она, похоже, никому не желала зла, но все же возражал.

– Вы любите шокировать публику.

– Станьте ещё пенять Яблоку на то, что выдаёт новую модель, когда вы на прежней и отпечатков не оставили. Это моя работа, к тому же, не единственная.

– Да, я знаю.

– Однако, я должна извиниться за то, что вас травмировал опыт общения с моим экспонатом. Вы, евреи, болезненно относитесь к некоторым деталям прошедшей войны.

– У меня неоднозначное отношение к этому событию.

– Не поняла.

– Если бы первый муж моей матери не погиб там, меня вообще бы не было на свете, как и многих других, впрочем.

– А что с ним произошло?

– Подорвался на mine в Нормандии.

– Необычно.

– Да, евреи это не только холокост.

– А как вас занесло сюда?

– О, это долгая история. Я жил в Бруклине, в Боро Парке...

– Да вы, оказывается, толстосум!

– Вы знаете, есть такой анекдот: Моня, я люблю читать антисемитскую прессу. – Почему? – Я здесь живу, еле свожу концы с концами, а почитать, так мы правим всем миром.

– Забавно.

– Это про меня. Перед тем, как попасть сюда, я тихо жил на свою пенсию, до этого преподавал в Нью-Йоркском Политехническом.

– А ваша семья?

– Жену я давно похоронил, дочь выросла, преподает в Филадельфии.

– Но билет в этот "хоспис" стоит немерено, как же вы...?

– Если вам интересно, расскажу. Как-то, на Пурим, я отправился в синагогу. Не то чтобы я очень религиозен, хожу туда как в театр. После чтения Мегилы прошли в банкетный зал. Как водится, покушали, выпили. Мимо моего кресла бегали костюмированные жертвы Марвел, дети. Ко мне уже подступали эти мысли: «Зачем я сюда пришёл?», но тут за мой столик подсел Цион. Это очень, очень богатый человек. Он не спеша расспрашивал о том, о сем. Появился собеседник – захотелось выпить. Почему нет? Цион не отста-

вал. Мы выпили за Пурим, за свиток, за евреев.

Когда уже не отличали Амана от Мордехая, Цион сказал: «У вас, Залман, тоже есть дочь, вы поймете меня. Помните Адину, она отличается своенравным характером, её боятся даже мои старшие сыновья. Думал, пошла в меня, не придавал значения – пройдет с возрастом. Напрасно. Опухоль мозга сама собой не проходит. У меня есть деньги. Я хочу помочь девочке пережить смерть.»

Рядом с Боро Парком находится Бруклинский Чайна – таун. Цион вел дела с тамошними китайцами. Он часто повторял: «Китайцы – те же евреи, только азиатские». Помимо прочего, они рассказали ему, что в Китае, в подземной клинике, проводят криоконсервацию, по секретной методике, не то что «это разводилово» здесь. И он решил отправить свою дочь в Китай, чтобы ее заморозили, а потом вылечили.

Цион продолжал: «Но я знаю ее, она может шалить там, может навредить себе. За ней нужно приглядывать. Вы, Залман, уже не молоды. Если вы поедете с ней, я оплачу вашу, как её... криоконсервацию. Это большие деньги, вы столько не заработали. Кто знает, может это правда, вы снова станете молодым и здоровым.» Мы еще пили вино, топали ногами, проклинали Амана. Я подумал: «Сколько мне осталось?» и согласился. Как говорится в старом анекдоте: «...двадцать долларов, есть двадцать долларов». Но я уже столько раз жалел об этом, боюсь моих сил не хватит...

Залман помолчал.

– Это ее недавняя проделка привела к тому, что я лежу здесь. От переживаний случились спазмы. Но извините, пока я не готов об этом. Как подумаю, что она еще затевает, мне становится нехорошо.

– А как вам живется с этими новыми – показала на живот – органами?

– Вы знаете, по отзывам местных, неплохо, только если вы не старик с маленькой фурией на шее. Со временем перестанете замечать.

Залман полежал молча, набираясь сил.

– А вы как попали сюда?

– У меня бывают... неприятные галлюцинации.

– Не понимаю. Допустим, вы видите нечто. Но ведь с этим можно жить, это можно лечить.

– Я и сама не решалась, но произошло нечто непредвиденное...

– Что же?

– Здесь есть новости?

– Сколько угодно, CNN, BBC, CCTV

– Посмотрите сами.

Залман надел наушники, включил телевизор над головой. После разговора Ольга, утомившись, опять заснула.

21 ноября

Ох и режет в животе. Определённо, там что-то не так. Подняла голову, осмотрелась. Залман вместе с кроватью куда-то подевался. Свет на полу, идущий из щелей в потолке, превратился из прямоугольников в параллелограммы, имитируя естественное солнечное движение. На посту дежурила другая сестра. Ольга попросила помочь и поинтересовалась, где ее сосед. Медсестра ответила, что его увезли на процедуры, сделала инъекцию, потом протянула предмет, похожий на большой мобильный телефон, пояснив что за девайс:

– Чтобы зарядить имплантированное вам оборудование, поднесите устройство к животу, под действием переменного магнитного поля, в течении 30 минут, аккумулятор зарядится. А этот индикатор показывает, что контейнер заполнен и надо пописать. Чтобы сделать это, нужно снять с предохранителя и нажать эту кнопку. Вот так. Кроме того с помощью устройства можно открывать комнаты к которым у вас есть доступ, расплачиваться за покупки, заказывать такси, ориентироваться по карте, разговаривать с другими абонентами в клинике. Обратите внимание, с обратной стороны, вот на этом отдельном экране, расписание ваших процедур. Вам нужно быть точно в указанное время в кабинете, номер которого указан вот здесь. Местные называют устройство «труба».

26 ноября

Пугающие боли, подавить которые совсем недавно могла лишь лошадиная доза опиоидов, притихли и напоминали о себе исключительно при неосторожно-резких её, Ольги, движениях. Дежурная сообщила, что скоро ее переведут в отдельную квартиру, а на лечение станут возить в процедурный кабинет на специальном автобусе.

27 ноября

Хлопнула дверь и две резвые медсестры без предупреждения, весело щебеча на китайском, покатали кровать Ольги к выходу. Залман понял, что ее увозят и едва успел подать голос, что навестит, когда сможет ходить. Ольга вспомнила про недоеденный творожок, который остался сиротливо стоять на тумбочке, но девушки так энергично сопели, толкая её к выходу, что остановить их устремление она не решилась.

Кровать через длинный коридор выкатили в тоннель, привычными движениями задвинули в приемное устройство автобуса. Как следует затянули Ольгу ремнями и экипаж помчался по узкому тоннелю. За окнами автобуса – темнота, каменный коридор почти не освещался, а заглянуть в лобовое стекло не позволяли удерживающие ремни. В темноте салона, под мягкие толчки, совсем было задремала, но внезапно в широкие окна автобуса ударил яркий свет, участок тоннеля освещали прожекторы.

Ярко-красными кляксами газоразрядных ламп подсвечивался знак «Дорожные работы», полуавтоматический робот-миксер заливал поверх каменного основания бетон. Дорожники шутили с сестрами, заглядывая через панорамное стекло, кого везут на этот раз. Они рассчитывали встретить селебрити, чтобы потрепаться об этом с другими работягами во время перерыва на ланч. По большей части пациенты

разочаровывали их, автобус перевозил невыразительно-надменных анонимных набобов. Когда дорожники узнали Ольгу, скалились чумазыми лицами, крича: «Аргентум! Аргентум!» и сверкали гаджетами, пытаясь сфотографировать ее через стекло. Ольга заразилась их настроением, улыбнулась, подыграла. Высвободив руку из под ремней, изобразила духовное лицо в папамобиле.

Неожиданно вновь нырнули в темноту и поплутав в лабиринтах, автобус остановился. Кровать выкатили в тускло освещенный тоннель, затолкали её во вместительный тамбур с белой филенчатой дверью, за которой открылась тёмная комната с высоким потолком.

Ремни расстегнули. Облокотившись о локоть приподнялась, порываясь встать, но на плечо легла сильная рука. Медсестры взяли, с двух сторон, за простыню и ловко переложи-

ли её из каталки в огромную кровать. Потом показали кнопку для вызова экстренной помощи и включили телевизор с записью инструкции для неофитов. Попрощавшись, девушки удалились.

Осмотрелась. Залман говорил, что большинство комнат для пациентов – тематические. Ей досталась квартира «Венецианская лагуна», видно не обошлось без участия Лян Шоушана. После десятидневной белизны палаты эти темные тона рельефных обоев сейчас будоражили так, что казалось она вместе с кроватью переворачивается навзничь.

Немного обвыкнув, обратила внимание на чемодан. Захотелось переодеться от «больничного». Достала пижаму, которая тут же напомнила ей беспокойную ночь перед тем, как попала в клинику.

И первый раз за все время, расплакалась. Она вспоминала свои печенку и почки, которые, где-то сейчас проходили «особую программу криоконсервации». Когда представляла, что с ней случится в клинике, думала будут несколько минут страха перед тем как усыпят и опустят в азот. И не рассчитывала, что это будет происходить вот так, частями. Однако, она уловила в своем настроении и нотки тихого ликования от того, что еще жива, а не висит сейчас в криокамере.

Решив, что эта пижама вызвала у нее приступ меланхолии, поковыляла в ванную комнату, выкинула противную шмотку в ведро. Вместо неё надела шелковую маечку бежевого цвета и такие же бриджи.

Потом, следуя инструкции, заказала обед: курицу с чесночным соусом, салат из свежих овощей и бутылку красного вина. Через 40 минут дежурная привезла заказанные продукты, а еще, сверх того, апельсиново-клубничный десерт. Объяснила, как Ольга может приготовить кофе, воспользовавшись кулером в прихожей. Курица оказалась совсем не острой. Ольга макала кусочки поочередно в чесночный и соевый соус, размышляя, чем бы заняться.

После нескольких проведённых в постели дней хотелось пройтись, но когда принимала вертикальное положение, внутри ещё неприятно тянуло. Перелистав список фильмов, подумала наверное в самый раз придётся вот это.

1 декабря

С утра звонил Залман.

– Ольга, вы дома? Не возражаете, если я заеду?

– Конечно, приезжайте.

Через несколько минут постучали.

– Войдите.

Показавшийся из-за двери Залман тут же замер, удивленный.

– Не знал, что здесь бывают такие помпезные апартаменты. Чем занимались?

– Вчера смотрела кино. У меня было дурное настроение после того, как осталась одна. А эта глупость – включила заставку – меня успокаивает, что-то вроде якоря, привет из детства, когда становится совсем уж... неопределённо.

Присядьте. Я должна сказать одну вещь. Там, в палате интенсивной терапии, я дала вам гормон, окситоцин, налила его в ваши капли для носа. Вы были уж слишком негативно настроены по отношению ко мне и подозреваю, что не справились бы с этим сами. Мне показалось, что взаимное недовольство, это не то чувство которого мы достойны, понимаете?

Залман укоризненно посмотрел на нее, но ничего не сказал. В этот раз.

Ольга благоразумно сменила тему:

– Может быть, вы уже готовы рассказать, что же такого натворила ваша подопечная, Адина?

Залман помолчал, решаясь.

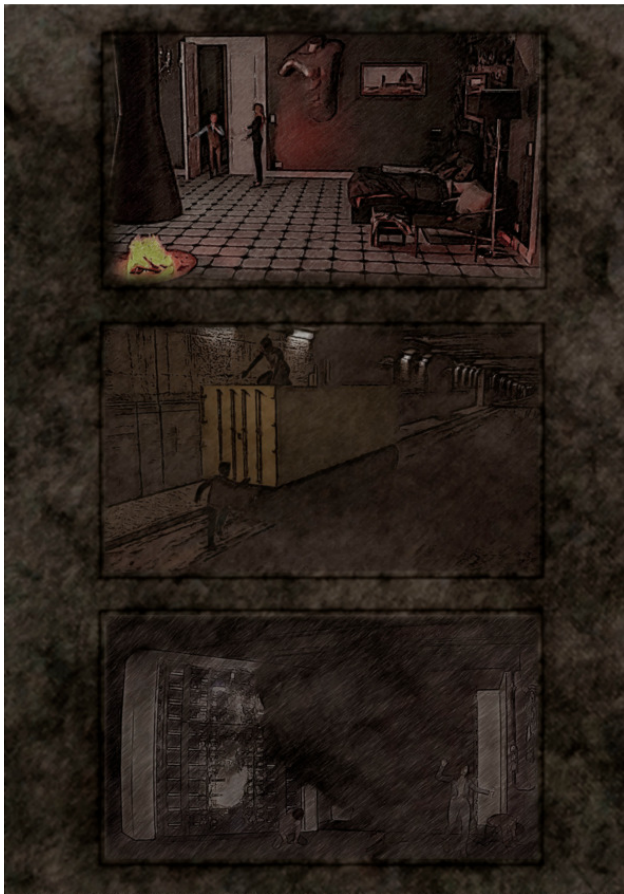
– Я уже говорил вам, что нахожусь здесь, чтобы опекать дочь одного моего знакомого, Циона. Как раз накануне вашего прибытия, она убедила двух отказантов (тех, кто не решился на операцию) и одного китайца, из персонала, устроить побег. Покинуть клинику решили через главные ворота.

– Но постойте, там же шлюзовая система и стальные двери в метр толщиной.

– На самом деле, все не так сложно. Один раз в сутки через эти ворота въезжает контейнер с вещами и провизией и выезжает контейнер с отходами. У меня как-то была бессонница, я сфотографировал его. Посмотрите.

Залман протянул планшетный компьютер.

– Контейнер проезжает ночью, чтобы не беспокоить пациентов. Управляется автоматически. Сообщники, которых она подговорила, придумали простой план.

– Пока контейнер медленно ехал к воротам, они положили сверху деревянный клин. Когда открылись первые ворота, заговорщики вошли в шлюз, а транспортер застрял, упер-

шись в потолок.

– Как же они вошли? Я видела перед воротами камеры слежения.

– До сих пор отсюда никто не пытался бежать. У китайцев здесь свой квартал, который не хуже обычного китайского города. Им хорошо платят и по контракту, каждый может заморозить своё тело за счёт клиники. Куда бежать? Пациенты – это больные, либо психически неуравновешенные люди.

Он осторожно посмотрел на Ольгу, та улыбнулась.

– Продолжайте.

– Так вот, острой потребности покинуть это место ни у кого не возникало. Между нами говоря, у Адины тоже не было особых причин. Она только захватила баллончик с краской, чтобы написать что-то на стенах.

– Я видела покрашенную надпись на воротах: «Не входи сюда». Она подействовала на меня... удручающе.

– Это ее рук дело. Дежурный, в комнате слежения, мирно спал на составленных в ряд креслах. После того как контейнер застрял, вход в шлюз оказался заблокирован. Вторая дверь не открывается пока открыта первая дверь. Но они придумали кое-что – отсоединили провод, который шел к наружным дверям и подключили его к аккумулятору контейнеровоза. Но видно запаниковали, не разобрались и дверь не открылась.

Дальше – больше. Колеса у застрявшего контейнеровоза продолжали крутиться, от трения резина загорелась, пова-

лил дым. К этому времени прибыла администрация, главный врач... На экране камеры слежения стало черным-черно, дым валил отовсюду. Адина могла просто задохнуться!

– Но как их выручили?

– Рабочие при помощи дублирующей системы открыли входные ворота. Заговорщики, кашляя, выползли наружу. Адина стала рисовать на стенах.

Колеса транспортера залили пожарной пеной, подогнали тягач с лебедкой, затащили транспортер обратно. Начальника охраны отправили вести переговоры. Когда он вышел к ним и попросил возвратиться в клинику, все тут же подчинились, а Адина еще бегала там, выкрикивая нецензурные ругательства. Но поскольку краска у нее закончилась, она посчитала задачу выполненной и тоже вернулась.

Для Адины это приключение не прошло даром – надышавшись дыма, болела головой. Она лежала на том месте, которое позже заняли вы.

Больше всех досталось китайцам – соучастнику и охраннику. На выбор им было предложено: расстаться с ежегодной премией или, после работы, исполнять обязанности роботов по уборке. Они выбрали второе. Самое большое унижение для китайца – лишиться денег. Но мы с вами заболтались. Я хотел показать местные достопримечательности.

– Достопримечательности?

– Да, поедemте. Только оденьтесь потеплее и в туфлях, я боюсь, вам будет неудобно.

Ольга надела жакет, ботинки и вышла в тоннель. У входа их ждал автомобиль, по виду – армейский джип, без крыши.

– Взял в аренду. Вы тоже можете подобрать себе какуюнибудь машинку. Туннели здесь длинные, а сидеть весь день в комнате может быть скучно.

Залман уверенно направил свой джип в темноту. Улица Тиньшёджё, на которой проживала Ольга, заканчивалась ха-бом, в центре которого фары выхватили восставленный из земли камень с фигурой человека на вершине, насколько успела заметить, в реалистичной манере, с оттенками экспрессионизма.

– Строителям Объекта – пояснил Залман.

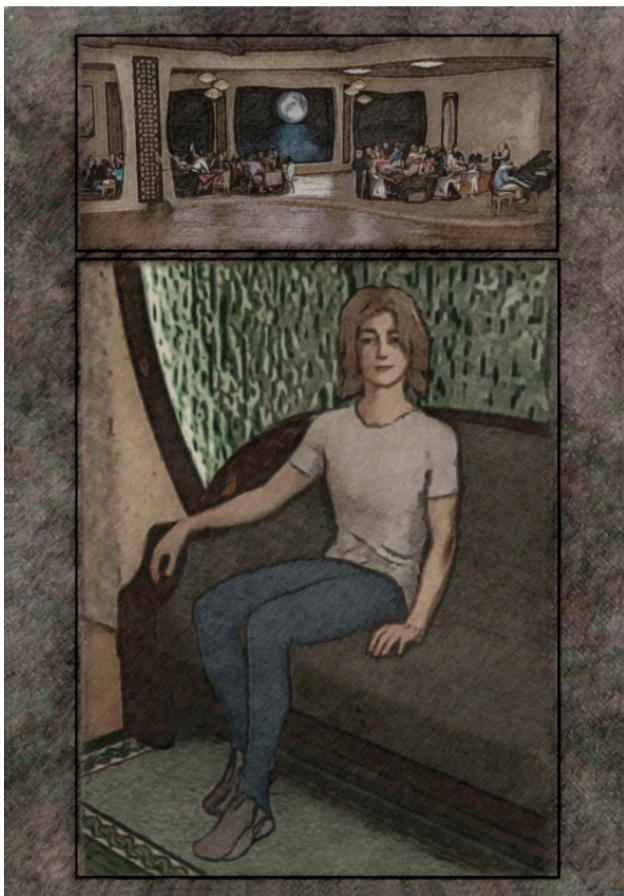

Остановились в просторной пещере-паркинге, где уже заняли место несколько машин. Залман распахнул перед Ольгой стальную дверь. Еще в тамбуре почувствовала запах, ко-

торый никак не ожидала встретить – запах йода и водорослей, смешивался здесь с ароматами хорошей кухни. Надавив на ручку деревянной с витражными вставками двери, оказалась в кафе.

А за стеклами больших панорамных окон плескалось настоящее море! Голоса посетителей смолкли. Десятки микро-моторов в гаджетах враз сменили фокусные расстояния, переключившись с фотографирования тарелок на портретную съемку. Ольга театрально поклонилась, благодаря за внимание к своей персоне и тихо спросила Залмана, как бы они могли поскорей отсюда свалить.

– Справа кухня, а там – выход на берег.

Повернув налево, заметила молодого человека, лет пятнадцати, который сидел один на маленьком велюровом канapé, очевидно ждал кого-то.

Ольга толкнула стеклянную дверь и оказалась на обширном галечном пляже. Залман старался не отставать.

– Но это же просто невероятно! Как мы смогли попасть на побережье?

– Видите ли, это хорошо сделанная декорация.

– Но абсолютно натуральный запах!

– Вы помните водопад рядом с отелем?

Ольга кивнула.

– Морская вода, набравшись свежего воздуха, попадает сюда. С противоположной стороны – волновая машина. В темноте линия горизонта выглядит вполне естественно, с берега вы не заметите никаких признаков подделки. А изначально этот резервуар подготавливался для тяжёлой воды...

– Для производства оружейного плутония, очевидно. После вашего объяснения стало еще интереснее.

Прошли вдоль берега. На пляже врос в песок навес из такого старого дерева, что казалось, эти доски вечность носило по морю, прежде чем корабельный плотник, отобрав их у волн, решил сколотить укрытие, готовое защитить от полдневного солнца. Эти доски вечность носило по морю, прежде чем корабельный плотник, отобрав их у волн, решил сколотить укрытие, готовое защитить от полдневного солнца. Дальше, в куще леса, среди деревянных бунгало, уютно подсвечивался многочисленными как стаи светляков огоньками бассейн.

- Там теплая морская вода, можно купаться.
- Нужно будет попробовать!

– Вы еще не видели китайский квартал. Он, как бы это сказать... динамичнее.

– Мы съездим туда обязательно. А сейчас не могли бы мы пойти обратно, а то эти... – показала на живот – последствия пока не позволяют о себе забыть.

Вернулись в кафе. Молодой человек, на которого обратила внимание Ольга, куда-то подевался. Вспомнилось: «...ни в природе, ни в пластическом искусстве...»

– Скажите, Залман, а что это за мальчишка сидел вот здесь, когда мы выходили на берег?

Залман, казалось, нисколько не удивился.

– Сейчас спрошу у знакомой официантки – дрейфуя в сторону кухни.

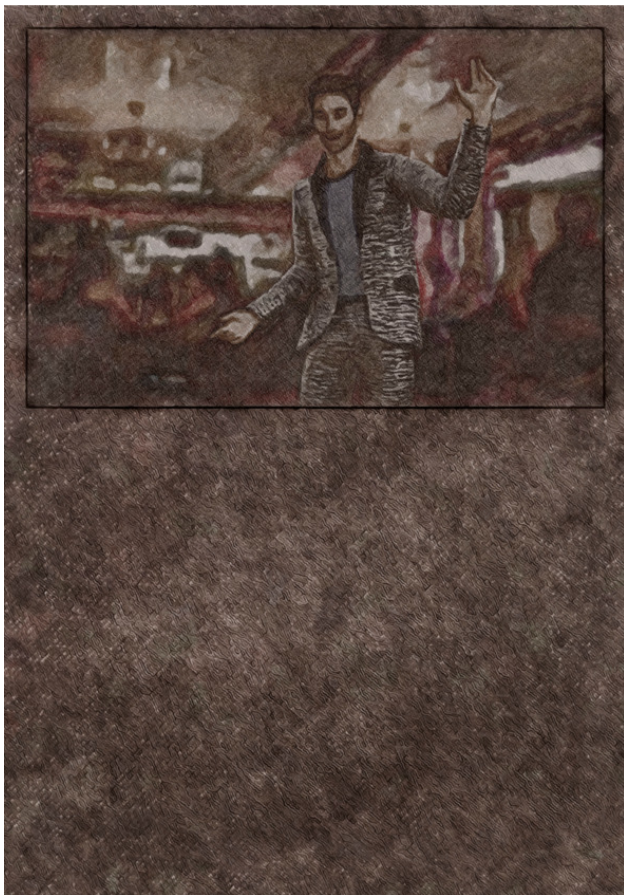
Ольга присела на зелёный диван, стараясь повторить позу, в которой застала молодого человека. Среди обычного для кафе шума, выделялся слабый но громкий, с надрывом, голос какой-то женщины: «Бог может долгое время сносить все, в то время как книга полнится записями. Он призывает людей к покаянию и предлагает им Свое прощение. Однако настанет время, когда список наших дел будет подытожен, и участь каждого будет решена. Содом превратился в пепелище, за которым погрязших в грехе людей ждет верная гибель. Сегодня множество людей заявляют, что чтут Бога, но своей жизнью отвергают Его!»

– Привет.

Зелёный кардиган, пробор, трёхдневная щетина.

– Дэн? Как ты здесь?

– Так же как и ты. Пациент.

Дэн разочаровался в профессии, ещё не овладев ею и прямо в студенческом кампусе выпил все таблетки, какие нашёл у своих соседей по dormitorio, предварительно аккуратно сосчитав их: десять таблеток Флуоксетина, 50 – Селегилина, 20 – Парната, 60 – Нардила, в сочетании с упаковкой Кофетаминума привели его к тираминово серотониновому синдрому, который вылился в микроинсульт, поставив крест на дальнейшем обучении, что только усугубило депрессию Дэна. Некоторое время сидел на вэлфере. Отличился несколькими статьями, одну из которых, (sci-fi-апокалипсис был тогда в тренде) принял даже Rolling Stones. Ещё родил несколько инсталляций, кажется, о возможном конфликте интересов человеческой и машинной цивилизации.

– Слышал о твоих траблах. Давай, присоединяйся к нам.

– К кому это, «к нам»?

– У нас здесь вроде андеграунда.

– Дубль-андеграунд, что ли?

Он неопределённо махнул головой. Когда подошёл Залман, Дэн предпочёл раствориться среди завсегдатаев «Лу-ча».

– Увидимся.

Залман рассказал, что ему удалось узнать:

– Молодого человека, о котором вы спрашивали, зовут Александр. Вы можете встретить его здесь, неподалеку. Он обычно проводит время перед ужином в бассейне.

– Как же вы так быстро сумели выяснить?

– Ничего удивительного. Вы знаете, китайцам все европейские лица кажутся симпатичными, но этот молодой человек, по их мнению – верх совершенства. Все женщины китайки знают его имя.

– Спасибо за беспокойство. По домам?

– Если вы в состоянии, мы могли бы поужинать здесь. Тут очень неплохие морепродукты.

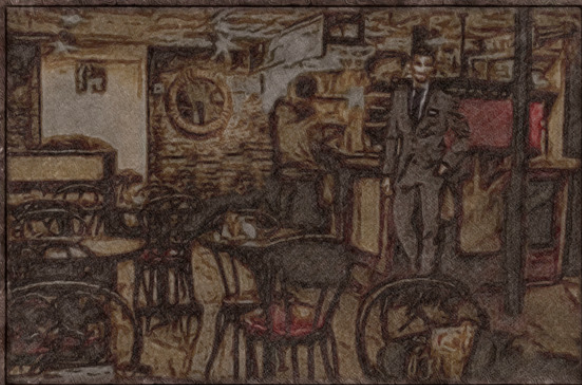
– Ну что ж, давайте.

Залман заказал себе печеные на углях устрицы, а Ольга небольшие, нанизанные на палочки, кусочки мяса и овощей.

– Ольга, вы производите впечатление на мужчин. Шелдон, предмет вожделения местных дам, не сводит с вас глаз.

– Да? – просто спросила Ольга – где?

Залман показал взглядом. Ольга повернулась и в упор посмотрела на мужчину, который старательно складывал брови домиком, потом ответила, вернув своё внимание Залману.

- Я не люблю мужчин.
- Вы любите женщин?
- Нет.

– Вы феминистка?

– Нет, я сама по себе.

– Очень хорошо. Если вас не интересует сам Шелдон, могу рассказать его историю. Он рассказывает ее всем, когда... не занят.

– Давайте, я люблю истории.

– Вы знаете, Шелдон еврей, но обожает мусульманских женщин. Он учился в государственной школе, в Париже, поэтому школьники отличались этнической неоднородностью. Одна из девочек соблазнила его и переспала с ним. Я не знаю, почему она не сняла платок перед этим. Может, волосы не помыла или еще что. В общем, с тех пор Шелдон – фетишист-хиджабник.

– А ничего, что эта девушка занимались сексом с «врагом»?

– Я думаю, эти предрассудки одолевают ортодоксальных мужчин, а женщины поступают по обстоятельствам, не упускают своего. Так вот, он очень любил женщин. Знаете, бывает такой тип, которому на роду написано быть вечным повесой. Он бы прозябал где-то на государственной службе, но тетка миллионерша неожиданно оставила ему деньги. Может, дело в его обворожительной улыбке, может хотела наказать алчных родственников. Скорее и то и другое. Теперь наш Шелдон мог не думать, чем себя прокормить. Поэтому тут же отправился на специальные курсы, по соблазнению. Представляете? Есть и такие! Он рассказывал здесь

о сути, немного.

Вы знаете, соблазнение теперь – целая наука, да. Уже сложилось несколько направлений по научному соблазнению. Шелдон изучал теорию и посещал тренинги. Чтобы убрать страх подхода к новой женщине, даже знаете что делал? Прыгал с парашютом! Вы представляете себе? Чего только не делал: ходил на сеансы психотерапии, посещал актерскую студию, школу танцев, тренажерный зал с индивидуальным тренером. Дошла очередь до гардероба. На всех тренингах призывали особое внимание уделять обуви.

– Исследования показывают, что по аккуратности ботинок женщины судят о генетической полноценности возможного полового партнера.

– Что вы говорите. Генетической полноценности?

– Аккуратность ботинок, с большой степенью вероятности, показывает что гены владельца обуви не выходят за пределы среднего значения.

– Очень интересно, возможно. Так вот, Шелдон подошел со всей ответственностью к выбору ботинок, даже собрал целую коллекцию. Со временем он начал замечать, что умных женщин лучше ловить на «Оксфорды», легкомысленных блондинок на «Лоферы» или «Топсайдеры», а на зрелых женщин лучше ходить в «Челси». Возможно, ему просто казалось. Вы сами видите, Шелдон не гонится за модой, предпочитает добротную, классическую одежду, сшитые на заказ, подогнанные по фигуре костюмы.

Шелдон хвастал, что не только следовал советам бывалых, но и довел до совершенства собственный стиль, обогатив классику фирменными трюками. Он брал напрокат милую собаку с гардеробом не хуже, чем одежда самого Шелдона, нанимал профессиональных актеров, чтобы создать антураж.

Шелдон гордился тем, что дошел в своем мастерстве до того, что обольщал женщин восьмой категории.
– Простите, категории?

– У пикаперов женщины поделены на категории. Пятая-шестая – обычные красивые женщины, добиться которых относительно легко, восьмерка – супер, почти недоступные, а девять – десять, судя по всему, без вооруженной охраны вообще не выходят. Его не привлекали женщины лёгкого поведения. Его интересовала «Игра» с большой буквы. Он знакомился с девушками на улицах, на дискотеках. Любимым местом был «bar in Edgware Road», где он встретил немало сирийских и ливанских девушек.

Он с вождением представлял, как какаянибудь Эмма Уотсон однажды появится на обложке модного журнала с заголовком: «Хиджаб? Это круто!» и как на следующий день миллионы девушек выйдут на улицу с покрытыми головами. Без этого предмета фетиша самый сексуальный объект оставался для Шелдона незавершенным.

Наконец, Шелдон забросил сети в интернет. Профессиональный фотограф преподнес миру амелированного Шелдона: Шелдон стоит у полки с томиком стихов; Шелдон, в аэропорту, не останавливаясь, бросает взгляд на золотой хронометр; Шелдон в баре держит бокал, будто рекламируя его содержимое. В анкете, на сайте знакомств, Шелдон подчеркнул, что любит заниматься этим с восточными девушками, облаченными в хиджабы, ниджабы и даже бурки. Однажды Шелдону не повезло, когда он пришел на встречу, его поджидали трое турок гопников, которые основательно уменьшили его ресурсы. Но больше всего он сокрушал-

ся об утраченных «Оксфордах» с белой союзкой и коричневым носком, которые уже стали его талисманом. Эта неудача не остановила Шелдона, он выучился определять прости-туток, содержанок, гопников, гомосексуалистов, спам – ботов, феминисток – ненавистниц, читая анкеты между строк и проверяя отфотошопленные фотографии на уникальность. Ему приходилось перелопачивать сотни анкет, как он выражался, «зловонной пустой породы», чтобы найти бриллиант.

Наконец, ему прислала анкету девушка в очках и хиджабе от «Дольче Габбана». Прежде, чем написать ответ, Шелдон умылся холодной водой, чтобы побороть желание тут же броситься в словоблудие. Написал просто, как учили: «Привет». Ответ пришел сразу. Попросил прислать адрес мессенджера. Тут уже Шелдон не сдерживался, выливал в виртуальные уши килобайты банальностей. Собеседница брала измором, вела неторопливые многочасовые беседы. Шелдон уже думал, что это скучающая любительница переписок или, того хуже, спамбот, но наконец пришло предложение о встрече. Шелдон отправился по указанному адресу. Дама сама оплатила номер в роскошных апартаментах. По классификации пикаперов – твердая шестерка, очень ухоженная. Было все: томление – упоение, сношения-до-изнеможения.

Шелдон не прервал отношений после первого раза, в своей обычной манере, а когда пришел на очередное свидание, его поджидали два филиппинца: «Мы из детективного агентства. Нам поручили разыскать тебя. Ты замутил с женой бо-

гатого ублюдка». Так они сказали: «Можешь выбрать сам, как ты хотел умереть». Шелдон не на шутку перепугался, глядя в ничего не выражающие, как у рыб, глаза.

На сайте знакомств Шелдону, незадолго до этих событий, попадалась реклама клиники «Кровь дракона» и он ответил, что предпочел бы заморозить свое тело. Филиппинец созвонился с кем-то и ответил Шелдону, что тот должен немедленно отправляться в клинику. После этого «сыщики» удалились. Шелдон немедленно набрал номер телефона своей дамы, она, кстати, так и не представилась и спросил, что это было. Она ответила: «Ничего страшного, у моего мужа свои игры» и предложила встречу в другом месте. Шелдон немного успокоился, желание и любопытство взяло верх. Он отправился по адресу, там его поджидали все те же филиппинцы. Один из них держал прибор, похожий на фен. Ни говоря ни слова филиппинец подошел к Шелдону, приложил инструмент ко лбу. Шелдона ударило, но он устоял. Филиппинцы рассмеялись и ушли. Шелдон ощупал лоб, выступило несколько капелек крови и только. На всякий случай, отправился в больницу. Когда провели обследование, выяснилось что в его мозге находится десятисантиметровый гвоздь. Четыре часа потребовалось хирургам, чтобы извлечь его. Через неделю в палату выздоравливающих пришел тот же филиппинец с тем же гвоздезабивателем в руках. Шелдон все понял и обещал немедленно, как только сможет ходить, первым же рейсом отправится в Китай. Так Шелдон оказался

здесь. Вы видели шрам у него на лбу? Это след от операции, ему вставили под кожу титановую пластинку.

– Я думаю, ваш фетишист – хиджабник Шелдон не одинок. Наш президент порекомендовал всем австрийским женщинам тоже носить платки, из солидарности.

– Из солидарности?

– Вернее, конечно, для безопасности.

Принесли счет.

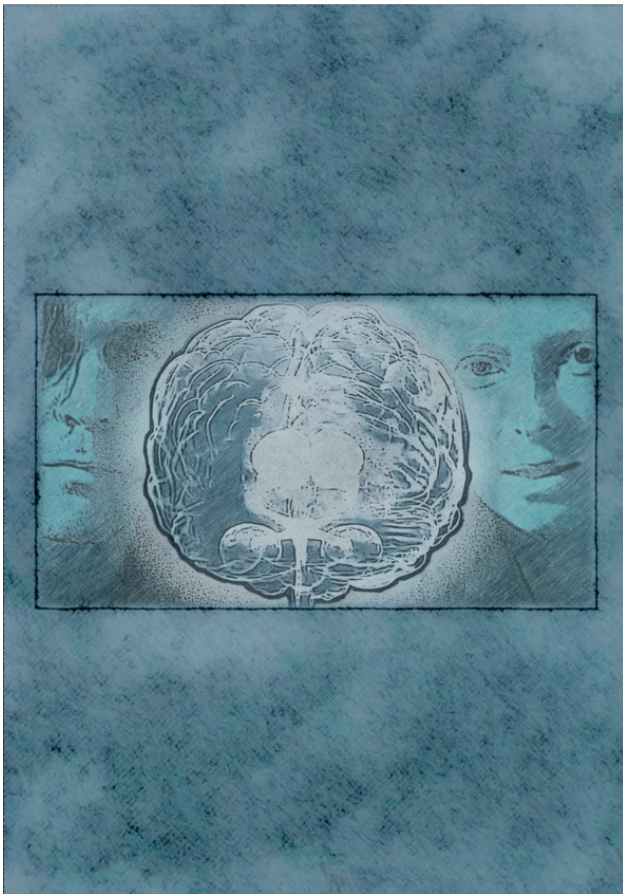
– Сегодня Ханука, позвольте я оплачу – у нас принято в этот день угощать детей. Моя дочь как раз вашего возраста.

Залман поднес к штрих коду свой телефон.

– Поедемте?

– Сейчас отвезу вас, потом ещё нужно проведать Адину.

Дома, оставшись одна, поставила кино.

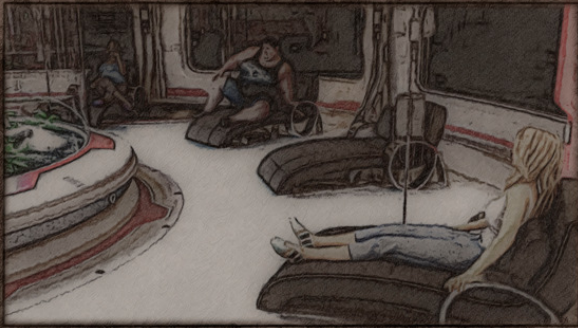
Ольга относилась к хорошему фильму как к микстуре, которую следовало, вначале используя отстаивание-фильтрацию-выпаривание разделить на компоненты, чтобы каждая

из составляющих: отмеченный печатью таланта сценарий, музыкальное сопровождение, задающее ритм *видеоряду*, создали в её голове искрящийся гормональный коктейль, который воздействуя на максимальное количество нервных окончаний, возбуждал волну резонанса электрических импульсов её восхитительной коры больших полушарий. Насладиться таким пиршеством, к сожалению, удавалось не часто.

2 декабря

Утром телефон заиграл навязшую, ставшую местным лейтмотивом песенку Лу Ханя «Тебе, крошка, не помешает подлечиться», следом за задорным мотивчиком следовал текст – время, номер комнаты, код процедуры.

Подъехавший автобус доставил до нужного отделения. Приветливая медсестра с неуставной чёлкой в процедурном уколола палец, дала баночку..., потом указала комнату для инъекций, которая оказалась большим, светлым помещением со стеклянной, до самого потолка, оранжереей, создающей особый микроклимат для пышных папоротников, среди которых неспешно переставляла когтистые лапы зеленая игуана. Ольга развернула кушетку так, чтобы животное не попадало в поле ее зрения.

Через два часа, когда через иглу-бабочку в неё влилось несколько подписанных именем Сибольт пакетов с лекарствами, была свободна, однако автобуса пока не было, при-

шлось ждать. Вспомнила о предложении Залмана получить машину напрокат. Когда автобус, наконец, появился, попросила подбросить её в «Рентакар».

Пока ехали по бесконечным лабиринтам, медсестры обсуждали что-то между собой. Одна из них достала планшет и стала показывать фотографии ухоженного, слегка перепуганного мальчишки. Ольга вытянула шею, заглядывая через плечо. На панели приборов подсвечивалась табличка с фотографиями: «Жу Лиджуан, Шан Дандан». Впереди показался свет, Шан Дандан затормозила.

– Мы приехали. Вон там, видите – открытые ворота? Начальник проката вам поможет.

– А почему мы не подъехали ближе?

Жу Лиджуан хохотнула.

– Он нас боится. Говорит, если видит наш автобус, каждый раз думает, что это уже за ним.

– Ладно, прогуляюсь.

Ольга вышла из автобуса и направилась к пятну света на бетонном покрытии, источником которого был широкий проём в стене.

Из сточной канавы вдоль дороги тянуло формальдегидом – техники, очевидно, пытались бороться с отложениями и колониями бактерий. Этих ребят так просто не извести – могут жрать даже цианиды, восстанавливая синильную кислоту до метана и аммиака. Да что цианиды, сборище микроорганизмов способно к гидролизу боевого отравляю-

щего вещества – иприта, до смеси меркаптоэтанола и этиленгликоля, каковой они благополучно усваивают. А некоторые колонии микробов вообще питаются ядом ДДТ, вначале окисляя этот ксенобиотик до п-хлорбензойной кислоты, а затем, подвергая кислоту катаболизму, получают вполне съедобный ацетат.

Человечество тоже такой мутировавший вид, который, косвенным образом, может использовать любую пищу. Проще говоря, испытываемый может съесть мясо и при помощи энергии мускулов попасть в нужное место, либо, заправив автомобиль, проделать то же самое, используя любое ископаемое топливо или солнечный свет. Сейчас Ольге предстояло подобрать подходящее продолжение тела для эффективного перемещения по лабиринтам клиники.

Начальник проката предложит ей надёжные и эргономичные машины, но при выборе средства передвижения Ольга станет учитывать не только практичность, сколько сообра-

жения иного рода. Она отвернётся от представленных в гараже удобных, проходимых, с мягкой подвеской, электроусилителем руля и подогревом сидений машин и будет стучать указательным пальцем по каталогу.

Начальник проката попытается вернуть её в лоно здравого смысла, апеллируя к категориям бережливости, безопасности и надёжности, но наша пациентка оказывает нажим на Начальника проката, намекая на знакомство с Главным Врачом, добивается красного, полуспортивного, электрического монстра с откидной крышей.

Начальник проката обещает доставить заказанный товар в ближайшее время.

6 декабря

Сажу на зелёном, выкрашенном масляной краской ящике, в узкой, как пенал, комнате. У стены – паровой бойлер, изредка и неожиданно издающий отрывистые стуки, будто какой-то псих долбит по стальным трубам огромным гаечным ключом. Позади меня проход, судя по всему, давно и навсегда утративший дверь. Ступени спускаются вниз, непонятно как глубоко, поскольку ниже третьей ступеньки лестницу покрывает чёрная вонючая вода. На поверхности плавают бионты, которые я затрудняюсь идентифицировать. Ещё больше их покоится на дне, поскольку они дают о себе знать пузырями сероводорода, периодическое бульканье которого я слышу за спиной. Напротив бойлера, у противоположной стены, два контейнера фильтровентиляционной установки, из проржавевшего снизу корпуса высыпаются чёрные цилиндрики активированного угля. Прямо передо мной – стол, его обязанности, точнее, выполняют две фанерные коробки такого же зелёного, как и «стулья», цвета. Слева, за столом, внимательно изучают мою физиономию пятеро мужчин, справа – Дэн, мой «адвокат».

– Ну и зачем ты привёл эту тэпэшку? – обратился к Дэну безразмерный бардовый свитер, оканчивающийся маленькой бритой головой. Его жёсткие, как проволока, волосы будто изъяли из головы и воткнули в подбородок. Для туши с та-

кой комплекцией он производит, пожалуй, слишком резкие движения. Близко посаженные, маленькие глазки на оплывшем, круглом лице делают его неприятным. Похоже, он знает об этом, наверняка добивается своего, просовывая физиономию в интимную зону собеседника/допрашиваемого. Хорошо, что сейчас нас разделяет «стол».

Этнически неопределённый, непропорционально-развитый, громила вопросительно смотрит на бритого: «Сейчас её прикончить или тебе охота ищщо поговорить?»

– Но ты же сам сказал, нам не хватает юнитов – блеет Дэн.

– Не хватает для чего? – спрашиваю я.

– Здесь вопросы задаём мы, дамочка.

– И что теперь с ней делать?

– Это она отхерачила голову диктатору, поможет и нам – продолжал заступаться Дэн.

– Тихо. Покажите ваш телефон.

Тощий, измождённый человек с иссиня-белым лицом и крупными, гипертрофированными порами на носу, в клетчатой рубашке и чёрной лыжной шапке достаёт из ворота булавку и мстительно всаживает её в боковое отверстие моего телефона.

– Теперь «они» нас не слышат.

– Кто «они»?

– Т-с-с-с! – прикладывает указательный палец к губам «лыжная шапка».

– Что у нас на неё есть?

Человек в белой рубашке и галстукe (профессиональная униформа юриста?), под тёмной курткой, зачитывает, глядя в планшет: «Агатия Сибольт, художник... опыт работы... образование... библиография... выставки... дополнительные навыки... Как видите, мы знаем о вас всё».

– Ну если «всё» для вас это резюме с моего персонального сайта...

– А вам не приходило в голову, как мы получили его? – спрашивает безразмерно-красный свитер.

– Хакнули файрвол клиники?

– Вот именно, плюс, так называемый, «Великий китайский файрвол» – у нас большие возможности.

– И чего вы добиваетесь?

– Чего мы добиваемся? Она издевается?! – свитер при-
встал, оперся кулаками о стол, его маленькие глазки прини-
мают максимально возможный размер – она хоть понимает,
что нас удерживают здесь незаконно?!!

– Но вы подписали договор, как бы – смягчая своё утвер-
ждение.

«Юрист»:

– Перед тем, как подписать, нам не разъяснили, в чём за-
ключается лечение. Если бы мы знали все подробности этой
процедуры, возможно, приняли бы другое решение. Поэто-
му договор недействителен и мы имеем право покинуть кли-
нику. А если нам запрещают, это повод для казус белли.

– Эти врачи, они просто фашисты и главный среди них,
этот – кавычки пальцами – профессор, Лян Шоушан. Теперь
у нас развязаны руки, – вступил в разговор высокий молодой
человек, до сих пор прикрывавший рот грязным платком.

– Если вы взломали файрвол, то, наверное, уже связались
с «большой землёй» – предполагаю я.

– Позже вы всё узнаете, если сумеете заслужить наше до-
верие.

– Как же я могу «заслужить ваше доверие»?

– Удивите нас. Дэн говорил, что у вас были какие-то дела

с этим Лян Шоушаном.

– Как-то общались...

– Скажите прямо, вы можете проникнуть в логово зверя?

Пожала плечами.

– Давайте решим так. Постарайтесь побывать у него и узнайте, как там всё устроено в плане охраны (количество и расположение охранников, камеры слежения).

– А мы – продолжает «юрист» – после того, как тьфу-тьфу провернём это, заставим этих китаёз имплантировать обратно изъятые у вас органы и поможем решить вопрос с вашим политическим убежищем. Среди наших сторонников есть известный государственный деятель, которого, по понятным причинам, сейчас нет среди нас. У него достаточно влияния чтобы добиться вашего безопасного пребывания в одной из нейтральных стран, тем более об этом случае, с диктатором, стали потихоньку забывать.

– И вот что, Агатия Сибольт, о нашем разговоре никто не должен знать. Говорим мы мягко, но, поверьте, действуем быстро и жёстко. Всё, вы можете идти – отрезал бардовый свитер.

После визита к повстанцам, остро почувствовала необходимость отвлечься, отчего-то эта картина очень подходила к случаю, поскольку прочно ассоциировалась у неё со словосочетанием «бесконечная свобода».

Вечером, в условленное время, подрулил Залман:
– Возьмём по дороге Адину, она хочет навестить друзей
в китайском квартале.

Пока ехали, Залман рассказывал:

– Поначалу квартира, где я сейчас живу, досталась Адине. Но ей не понравилось оформление и она уговорила меня поменяться. Мне то, в общем, все равно, только дизайн не вполне соответствует возрасту...

Притормозили. Возле двери уже ждала полноватая девушка в джинсовом костюме. Она легко перескочила через борт, на заднее сиденье. Поприветствовала Ольгу и Залмана. Когда тронулись, начала издали:

– Мои френды могут помочь с тачилой.

– В каком смысле?

– Прокачать подвеску, тормоза, руль, поменять шины.

– Но это все в порядке, насколько мне известно.

– Но, знаешь, она может стремать на высокой скорости.

– Эта машина неважно разгоняется.

– Вот поэтому и нужен апгрейд. Меня пригласили на соревнования, дрэг-рейсинг на заряженных тачилах.

– Но у тебя нет водительского удостоверения...

– Ах, брось, там не спрашивают, у кого есть карточка, у кого нет. Побеждает тот, кто приходит первым.

Адина «закинула удочку» и пока оставила его в покое, до новой атаки. Залман, в который раз, задумался, как убедить это непоседливое существо. Внезапно, из поперечного тоннеля выскочил степной багги. Залман резко нажал на педаль тормоза. Ольга уперлась руками в приборную панель, Адина свалилась со своей лавочки.

– Эфиоп твою мать.

Чтобы не столкнуться, багги резко вильнул в сторону и

сильно накренился, основательно перегруженный молодыми, уже как следует подгулявшими китайцами. Сидевшие с правой стороны свесились за борт, балансируя. Колеса, уже готовой опрокинуться тачки, восстановили контакт с дорогой и через секунду габаритные огни монстра растворились в темноте.

Залман помянул чёрта, внимательно огляделся по сторонам, для верности прислушался и поехал дальше.

Неожиданно стены расступились. Въехали в город. Над крышами чуть подсвечивался синий экран – подобие ночного неба. Дальше проезда не было, за большими каменными шарами начиналась, заполненная людьми, улица. Они стояли, сидели, поодиночке, группами, переговаривались, танцевали, готовили еду, мастерили, что-то продавали. Первой, в ряду торговцев, расположилась женщина с большим коробком сине-серых котят околобританской породы. Рядом, в вольерчике, ждали новых хозяев крохотные собачки. Адина присела на корточки, запустила руки в коробку с котятами, трепала и шепелявила с ними, как с человеческими младенцами.

– Залман, что за негоцианты?

– Все они работают в клинике, а это – Залман широким жестом обвёл вокруг – способ провести время и дополнительный заработок. Администрация поощряет это, чтобы сотрудники были как дома.

Некоторые китайцы просили вместе сфотографироваться,

Ольга охотно соглашалась.

– Здесь можно купить одеяло? Я что-то мерзну последнее время...

– Возможно, из-за лекарств. Купите электрическое. Я помогу подобрать. Но лучше заберём на обратном пути.

Когда проходили мимо прилавков, Ольга заметила странного вида еду, которую готовил один торговец. На вид как змеи, нанизанные на палочки.

– Залман, а что это у него?

– Это щупальца кальмаров. Китайцы готовят на огне всё, что можно жарить: овощи, рыбу, кузнечиков, а вот смотрите, лягушки в кляре.

– Я бы не решилась попробовать это, но здесь намного приятнее, чем в «Винтажном луче». Праздник там, как поминальная трапеза.

Шестеро китайцев синхронно поднялись из-за столика, завершив корпоративную пирушку. Залман предложил:

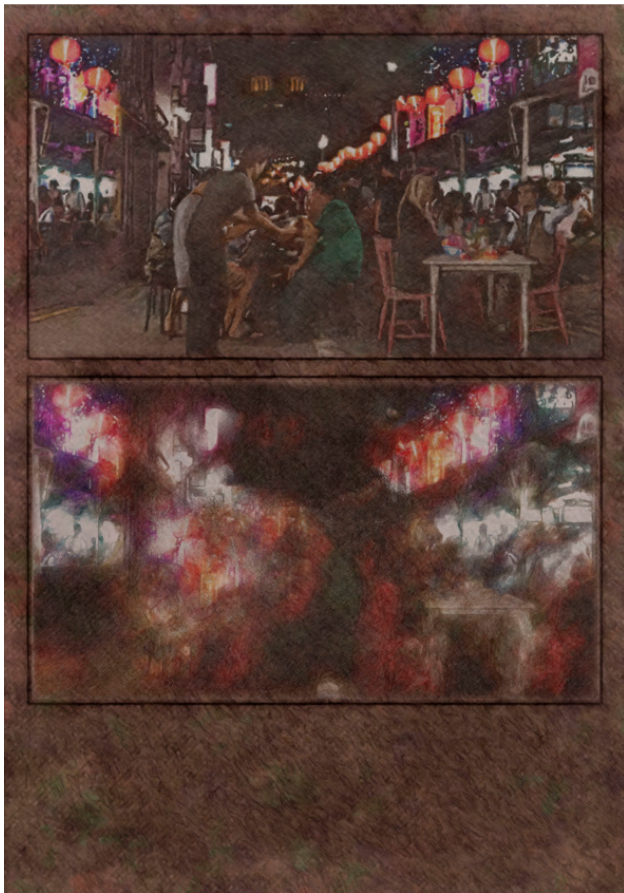
– Здесь такое разнообразие, давайте поужинаем.

Подошла Адина. Только устроились, как рядом, за соседним столиком, раздались возгласы одобрения – подали зажаренное на вертеле животное. Из того места, откуда выходили задние ноги, приветливо торчал, чуть не помахивая, небольшой хвостик.

– Скажите, Залман, это именно то, о чем я подумала?

Залман развел руками, мол, что же я могу поделаться с местными традициями. Аппетита как не бывало. И запах стоял

непривычный – горелого масла, каких-то приправ. Но уходить было не в правилах Ольги. Видно, как обычно, подружиться с реальностью поможет крепкий алкоголь.

– Залман, а что здесь пьют?

Одобрительно посмотрев на неё.

– Есть очень ароматная рисовая водка, которую готовит хозяйка кафе.

– Давайте напьемся.

– Вас что-то беспокоит?

– Да, наверное, как у всех...

Ольга попыталась описать, как непросто жить вдали от милой печени и почек, о том, что все здесь другое. Кругом – одни китайцы, а рядом с завсегдатаями «Винтажного луча» ей еще хуже. И эта запеченная собака, которую подали за соседний столик, совершенно вывела из равновесия. И мыслить рационально уже не получается.

– От хандры, Ольга, есть хорошее средство. Давайте сделаем заказ.

Они открыли книжку с картинками, выбрали креветки, зажаренные в масле с умеренно острыми специями, мясо в кисло-сладком соусе, кусочек утки по-пекински, пельменишки из тонкого теста и ещё много непонятной еды в крохотных фарфоровых тарелочках. Блюда поставили в центр стола, на вращающуюся, как барабан револьвера, подставку и было так занятно брать по кусочку каждого яства.

– Вы не пробовали тофу?

– Нет, еще не приходилось.

– Если не попробовать, невозможно понять эту страну.

Ольга взяла палочки, откусила немного.

– Ничего не чувствую.

– Нужно обмакнуть в соус. Это соевый белок. Он веками спасал крестьян от голода. Любимое блюдо Мао Цзэдуна.

Ольга попробовала тофу с несколькими видами соуса, которые стояли рядом, в отдельных тарелочках.

– А вот с этой приправой я бы советовал быть осторожнее...

– Плавали, знаем...

Ольга положила в рот кусочек и поняла, что, возможно, повела себя слишком уверенно. Но все таки разжевала и проглотила, потом просипела:

– Воды...

Первый раз в жизни почувствовала, что у нее есть пищевод и где именно он находится. Ольга с трудом выдохнула и от этого, горячего, выдоха нестерпимо защипало в носу и стало резать глаза.

– А-а-а!

– Скорее заешьте рисом!

Ольга схватилась было палочки, бросила, засунула в рот руками несколько горстей риса. По щекам побежали слёзы.

– Не забывайте дышать.

– О-о-о-о!

Китайцы, за соседними столиками, обернувшись смеялись, подбадривали. Один из них взял стручок красного, жгучего перца, не моргнув глазом съел, показывая всем

оставшуюся ножку. Хозяйка кафе, заметив оживление, поняла что случилось, принесла стакан молока. Залив огонь, Ольга стала приходить в себя.

– Кажется, поняла, зачем китайцам такие острые приправы – чтобы помнить о том, что они пообедали, вкуса у тофу почти никакого.

Принесли водку. Залман разлил по стаканам.

– За вас, Ольга, чтобы удачно закончилось, ваше лечение и путешествие.

– О! Как мягко пошла. Можно не закусывать.

– Да и обратите внимание на фруктовые нотки.

– Фрукты? Определённо есть. И рисовую кашу напоминает, немного, в конце.

Адина заметила своих знакомых, через стол и сказала Залману, что ей нужно «перетереть» одно дело. До их ушей стали долетать термины: «Тюнинг, асинхронный двигатель, мощность, емкость, сила тока».

– Я очень ответственный человек, Ольга. Я дал слово. Но я опасаясь, что ее мозги заморозят после того, как отскребут от какой-нибудь опоры. Все, что я хотел, чтобы это непоседливое существо было заморожено по всем правилам, как я и обещал.

Выпили за здоровье. За знакомство. За еврейский народ.

– Вы молодец, по виду совсем не пьяный, только деревенеете.

– Да и вы держитесь хорошо.

– Это что. Я как-то выпивала с одним шотландским моряком, вот это было да...

– С шотландским моряком?

– Да. У шотландцев, в барах, есть такой способ употреблять текилу: наливают ее в чайную ложку, насыпают соль на руку. Потом слизывают соль и вынюхивают ложку текилы.

– Простите, вынюхивают?

– Да! Чтобы текила сразу долбила в мозг! Но это не все.

– Что же такого можно придумать еще?

– После этого нужно быстро брызнуть лимоном в глаз!

– В глаз? Зачем?

– Чтобы не было так противно от текилы в нос!

– Что вы говорите, надо попробовать!

Выпили за удачу.

– Я вот всё думаю... А вы уверены, Ольга, что с нами поступят как надо? Денежки то, за лечение, уже получены...

– Насколько я знаю, Залман, мы находимся в странном положении – спонсоров и подопытных одновременно. Чем лучше результаты нашего лечения, тем лучше для учредителей клиники. Кажется, это называется «разумный эгоизм». К тому же, здесь собраны лучшие специалисты...

Залман огляделся.

– Похоже, на сегодня, они решили забыть о своем профессионализме.

– Да, и нам не стоит отставать!

Взгляд Залмана зацепился за что-то. Обернулась. Ребя-

та-китайцы чертили на салфетках, объясняли Адине.

– Вы знаете, Залман, меня пригласил в гости один человек, доктор Лян Шоушан. Давайте поедem вместе, может он посоветует, как быть с вашей Адиной.

– Вы знакомы с Лян Шоушаном???

– Да, но у меня сейчас язык не ворочается об этом...

– Вы знаете, до меня дошел слух, от пациентов. Говорят, что он спит на кровати, под которой слуги всю ночь поддерживают огонь.

– Датычо?! Огонь прямо под жо...? Вот поедem и спросим его об этом!

Залман разлил оставшуюся, на доньшке, водку. Ольга посмотрела за соседний столик, на обглоданные кости, помогли алкоголь и передернула плечами. Видно, пока нет. Быстро влив пятидесятиградусное содержимое в обожжённый капсаицином пищевод, предложила:

– А давайте выпьем еще.

Залман тревожно посмотрел на нее, но попросил принести бутылку.

– Скажите, Ольга, откуда у Вас такое имя, Агатия?

– Компромисс.

– ?

– Папа хотел назвать Агата, по имени одного персонажа австрийской литературы, а мама – Гепатия.

– Женщину – философа?

– Угу. И изобретательницу дистиллятора, ареометра и

астролябии.

– Да, похоже девушка тоже была не прочь выпить, а потом полюбоваться на звезды.

– А Аргентум?

– Это имя я взяла после одной инсталляции, с серебром..., а Ольга меня называли дома, для краткости. Ваше имя звучит тоже как-то... официально, а существует... аналог?

– Очень близкие люди называли меня Зяма.

– А я могу...?

Залман задумался.

– Похоже, что вы здесь самый близкий человек. Конечно, мне будет приятно.

Завибрировал прибор, приглашая...

– Так, Зяма, мне нужно припудрить нос.

Ольга встала, обшаривая взглядом окрестности в поисках удобств и вдруг увидела, как во тьме, в самом конце улицы, стало зарождаться торнадо из синих, белых и зелёных звёзд. Как только Залман заметил, что сотрапезница стала оседать, потянул ее на себя и Ольга рухнула на стол. Побежал искать хозяйку.

– Помогите! Помогите! Пациентке плохо!

Хозяйка кафе и медсестра Тан Вен, быстро осмотрев Ольгу, проверила как дышит. Потом вызвала, по имени, несколько человек, которые сидели за соседними столиками. Это были врачи, по субординации выше медсестры, но на терри-

тории кафе заправляла Тан Вен. Отнесли Ольгу на кухню, уложили на стол. Хозяйка достала шприцы, капельницу, лекарства. Для Ольги звуки лишились низких частот, будто лежала под водой.

– Набери сорок кубов глюкозы, два кофеина, два кордиамина, внутривенно. Сорок солевого раствора, внутривенно.

Пациентка чихнула. Вокруг запрыгал хохот.

– Все, будет жить.

Ей прочистили желудок и оставили. Врачи, переменяв со-

циальные роли, вновь превратились в постояльцев кафе.

Ольга снова чихнула, перевернулась на бок. Так, чихнув раз сорок, она окончательно пришла в себя, села, ощупывая челюсть, которой основательно приложилась о стол при падении. Провела языком по рядам зубов. Кажется, ничего не сломала.

Через некоторое время вошел Залман, спросил, как она. Как ни странно, испытывала прилив бодрости, наверное переборщили с глюкозой.

– Хорошо, можно продолжать.

Залман проигнорировал.

– Нас могут сейчас довезти домой, если вы можете идти.

Ольга встала, огляделась. Местом ее реанимации послужил разделочный стол посреди большой кухни. Хозяйка кафе принесла сосуд с зеленой жидкостью.

– Это настой ромашки с сахаром, лимонной кислотой и аспирином и ещё... А, вы не знаете. Дайте ваш телефон.

Поколдовала с трубой.

– Я перевела ваше устройство в режим алкогольной детоксикации. Вы должны выпить это за четыре часа, – указала на зелёный сосуд – иначе произойдет обезвоживание, с неприятными последствиями. Чтобы вы не забывали принимать жидкость, телефон будет напоминать. Всего хорошего, заходите к нам еще.

Ольга с Зямой сели в «салон» электрической рикши, а сзади, в корзинку для багажа, забралась Адина. По дороге Зал-

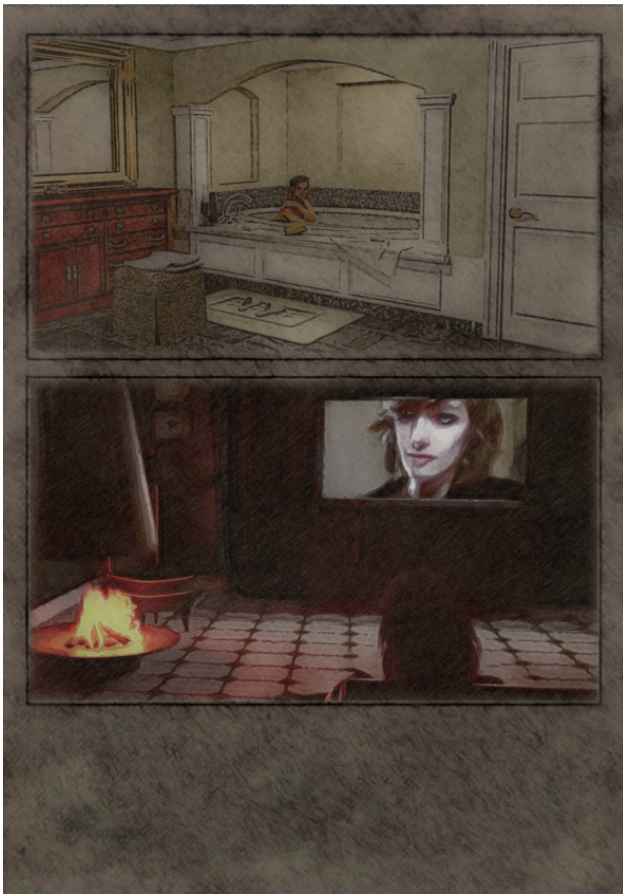
ман наставлял Ольгу:

– Будет хорошим тоном, если вы отблагодарите хозяйку за то, что она вернула вас к жизни. Я бы и сам заплатил, но лучше, если это сделаете вы. Сумма должна быть не большой, и не маленькой. Тысяча юаней, я думаю, будет в самый раз. Она использовала свои материалы.

Залман улыбнулся.

– Во всяком случае материалы, которые она считает своими.

Благополучно добравшись до квартиры, Ольга попрощалась с попутчиками. Дома забралась в теплую ванну и принялась вытаскивать мелкие косточки, которые запутались в волосах, пока лежала на столе. Странно, это рассмешило ее.

После ванной поставила фильм. Когда камера Кристофера Дойла медленно скользила по лицам молодых людей, поймала себя на том, что пальцы пытаются повторять контуры.

Снова захотелось заняться скульптурой.

Нашла на экране службу доставки. Заказала 200 килограммов пластилина «Chavant» средней твердости, свинцовую проволоку для каркаса, вязальную проволоку, поворотный стол, стальную трубу диаметром 20 миллиметров, лазерный сканер с монитором, видеокамеру, осветительные приборы. Хорошее оборудование основательно сэкономило силы и время. Потребуется еще сварочные работы. Пожалуй, с этим помогут в мастерской начальника проката.

Досмотрев фильм, опустошила сосуд, следуя напominаниям «трубы». Закончив программу детоксикации, электронная печень перешла в обычный режим работы, об этом сообщил телефон приятным женским голосом. Эта, присущая бытовой технике четкость, окончательно успокоила Ольгу и она уснула.

7 декабря

Разбудил стук в дверь – электрик приехал устанавливать автомобильную розетку. На экране телефона высветилось расписание процедур, заведующий прокатом сообщил, что аккумуляторы заряжены и она может забрать машину.

Озадачившись, как добраться до гаража, позвонила Зяме. Он жаловался на сильную головную боль, даже не мог встать с постели. Ольга почувствовала себя виноватой – без нее он, наверное, не стал пить так много, не валялся бы сейчас с отравлением.

Ничего не поделатъ, вызвала такси. Через полчаса уже тряслась в фанерной коробке, по направлению к гаражу.

Начальник проката Сан Вей объяснил, как управлять:

– ...отпускаете тормоз, нажимаете на педаль газа – трогаемся. Вот это джойстик переключает движение вперед-назад, вращение меняет режимы движения с «драйв» на «спорт». Это провод для зарядки, лючок для подключения, подробная инструкция.

Протянул карточку с QR кодом. Ольга тестировала электромобиль впервые. Сев за руль, сделала, как советовал Сан Вей. Ни рокота, ни вибрации, будто покатила с горки. Когда набрала тридцать миль в час, стал слышен шорох колес, к которому, на шестидесяти, добавился шум ветра. На ровной, асфальтовой дороге решила опробовать «спорт», вы-

крутила джойстик и резко нажала на педаль акселератора.

– Ох, f...

Пришлось напрячь мышцы шеи. Корму стало сносить, в зеркале заднего вида показалось облачко сизого дыма, из под колёс. Подкорректировав рулём траекторию дрифта-нувшей тачки, сбавила скорость. Неплохо.

Ольга вспомнила, что забыла попрощаться с начальником проката. И куда она едет? Остановилась, набрала на дисплее услышанное вчера слово «ши ча». Навигатор вывел её к ки-

тайскому кварталу, с противоположной стороны, совсем рядом с кафе.

Торговая улица в этот час оказалась совершенно безлюдна. Ольга вошла в кафе, заглянула на кухню. Тан Вен курсировала между жаровней и заготовочным столом, давая указания касательно размера кусочков парной говяжьей вырезки, спорила по телефону с поставщиком по поводу ростков фасоли, которые имели недопустимые, по мнению Тан Вен, зелёные листочки. На заготовочном столе нарезали сельдерей, морковь. Несколько женщин, сидя на коробках из под овощей, снимали плотную кожуру с корня имбиря.

Когда хозяйка заметила Ольгу, улыбнулась, поздоровалась, прошла за стойку.

– Хотите покушать?

– Спасибо, пока нет. Пришла поблагодарить вас. Спасибо, что откачали.

– Пожалуйста. В моем кафе еще никто не играл в ящик.

Ольга протянула деньги. Тан Вен с улыбкой взяла, пересчитала, положила в коробку, присовокупив к дневной выручке.

– Спасибо вам.

– У моего друга, после вчерашнего, болит голова. Вы могли бы...

– Да, сейчас кое-что приготовлю. А вы пока выпейте кофе.

Тан Вен налила чашечку, достала пирожное Дан Тат и отправилась на кухню. Через 20 минут она принесла контей-

нер с особым супом Сун Лин, от похмелья, подошла к холодильнику, достала бутылку, какую дала вчера Ольге, там уже была заготовлена партия таких же сосудов. Ольга поблагодарила, расплатилась. Засунув под сиденье продукты, принялась тактильно пытаться дисплей на предмет расположения Залмана. Навигатор выдал два адреса, один из которых, позже, идентифицировала по торчащей у входа розетке.

На стук костяшками пальцев, кулаков, ботинка никто не откликнулся, тогда потянув стальную дверь, вошла в тамбур. Деликатно постучала в деревянную.

– Войдите – послышался слабый голос.

Когда Ольга заходила, пришлось сильно наклонить голову, чтобы протиснуться через низкий проем, а попав, наконец, внутрь, покатила от смеха.

Комната была стилизована под спальню-игровую для девочки: пастельные тона, комодики-домики «Амстердам», котики на декоративных занавесках, розовые фонарики, рисунки в рамках паспарту.

Домовладелец лежал на миниатюрной кровати, скрестив на груди руки. Заметив реакцию Ольги, стал смущенно оправдываться:

– Это квартира, которую поначалу дали Адине. Вот не думал, что кто-то станет меня навещать...

– Как вы себя чувствуете?

– Наверное так же, как и вы вчера...

– А я вам привезла кое-что, сейчас быстро поставим вас

на ноги.

Ольга сходила за продуктами, а вернувшись в комнату пододвинула тумбочку, поставила перед Зямой тарелку. Сочувственно вздохнула, когда он, подложив под бок подушку, достал из под одеяла свои белые, гипотрофийные руки, принялся за еду, в надежде поскорее покинуть это сумеречное состояние.

– Я могу еще что – то сделать?

– Нет, спасибо.

– Вам не до гостей, пойду. Но не забывайте, завтра нас ждут у доктора Ляна.

8 декабря

На этот раз Залман поджидал Ольгу возле двери своей квартиры, наверное не хотел снова давать повод глумиться над жилищем. Оценил новое средство передвижения.

– Эстетичная машина.

– Бросьте. Это крутотень, чтобы лелеять подленькое чувство превосходства.

– Признание в пошлости не перестаёт делать поступок соответствующим.

– Ах, люблю вас за то, что можете дать чувствам правильное определение.

Добравшись до процедурной, устроились на кушетках. Когда медсестра подключила капельницы, Зяма спросил, откуда она знает Ляна.

– Нас познакомил Син Цин.

– Вы имеете в виду руководителя Китая?!

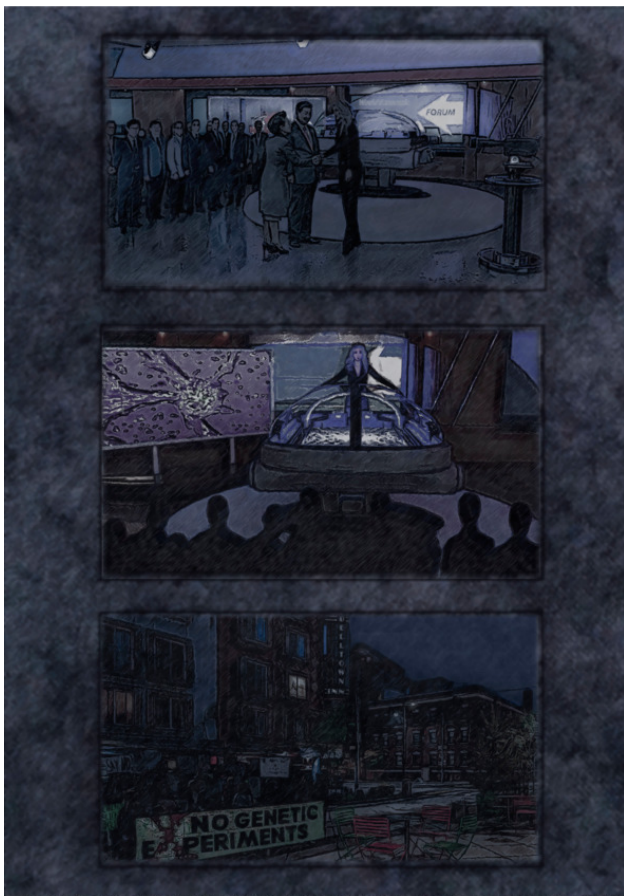
– Ну, да. Это давняя история.

– Расскажите, очень интересно.

Ольга, устроившись поудобнее, начала:

– Я тогда еще не решила, чем буду заниматься, находилась в пограничном, наука-искусство, состоянии. Купила на распродаже лабораторное оборудование и выставляла биологический перформанс в Сиэтле, на американо-китайском индустриальном форуме. Представители китайской делега-

ции решили познакомиться с моими экспонатами. Тут же явились видеооператоры, попросили представиться, назвать мою должность. Они согласовали точки съемки, установили отражательный экран, чтобы свет падал на лица под нужным углом, проверили качество видеоматериала, поскольку часть демонстрации проходила в ультрафиолетовом освещении. И через десять минут вокруг меня появилось очень много китайцев. Да, и китайский президент с первой леди тоже пришел, тут же обратился ко мне: «Расскажите, что вы здесь представляете?»»

– Это биологический перформанс, который на примере бактерий демонстрирует модель человеческого общества, а точнее как в сообществах возникают обманщики.

Демонстрацию опыта буду проводить на социальных амёбах Диктостилиум дискодеум (*Dictyostelium discoideum*), чья способность светиться в флуоресцентном свете, при внедрении в них репортёрного гена GFP, позволит сделать наглядным, уважаемые господа политики, этот акт проявления возмутительного эгоизма. Не нужно приписывать все злодеяния человеку, стремление обманывать свойственно: волкам, крысам, приматам и, сюрприз, даже бактериям. Вот на этом большом экране развернётся драма, происходящая на поверхности размером меньше булавочной головки.

Президенту не терпелось узнать: «И что же вы выяснили?»

– Одна из старейших, вшитых во все живые организмы потребностей – стремление к передаче копии ДНК. Рассказала бы вам, какие причудливые формы, с точки зрения биологии поведения это стремление принимает у людей, но... боюсь утонуть в деталях.

Когда наступают плохие времена, эти амёбы начинают складывать из своих тел многоклеточный агрегат, начиная с построения длинного стебля, который оканчивается плодовым телом. Некоторые мутировавшие простейшие, посмотрите, начинают сразу перемещаться в плодовое тело, не желая принимать участие в построении стебля. Когда, через несколько поколений, их становится много, вся колония погибает, либо вырабатывает меры противодействия.

Син Цин спросил: «А какие вы видите параллели с

людьми?»

– В человеческих сообществах происходят похожие процессы. В развитых цивилизациях появляются паразиты, пытающиеся жить за чужой счет. Вы знаете как через нашу иммунную систему проникают вирусы?

Президент вопросительно посмотрел.

– Вирусы прикрепляют на свою поверхность белок, принадлежащий нашему организму и иммунная система идентифицирует этот объект, как свой. Вот также и эти паразиты, прикрепляют поверх своих истинных устремлений так называемые «идеи»: равенства, социальной справедливости, равного распределения, альтруизма. Но самое главное, что их интересует – выживание и экспансия.

– Но как же, по-вашему, это предотвратить?

– Наука даёт ответ на этот вопрос. Выяснилось что клетки-обманщики появляются редко в ассоциациях, состоящих из похожих участников. Поэтому многоклеточность живых организмов сформировалась на основе развития одной единственной клетки, чтобы не истреблять друг друга в конкурентной борьбе. Если создавать общественный организм из участников с сильно различающимся культурным кодом, в таком обществе неизбежно возникают разрушительные конфликты. В этом заключается тактика обманщиков – натравить людей с разным культурным кодом друг на друга и в это время занять выгодные позиции, поближе к ресурсам и подальше от источников опасности. И, к слову, толерантность

в медицинской терминологии означает болезненную неспособность организма сопротивляться чужеродному влиянию.

– Позвольте познакомить вас с нашим биологом, доктором Ляном Шоушаном, – Син Цин, жестом, попросил Ляна Шоушана подойти – я думаю вам нужно подробнее обсудить эти вопросы, а доктор Лян поделится с коллегами.

На этом демонстрация закончилась, делегация удалилась, а мне «оставили» Ляна Шоушана. Я давно интересовалась, какое вещество он использует в качестве криопротектора. Доктор Лян ответил, что не использует криопротекторы вообще, а ответ на мой вопрос лежит на поверхности, в названии его исследовательской группы и завтра обещал подробно рассказать об этом. Когда на следующий день я и ещё пара сотен «ботаников» пришли в конференц-зал, вложенное в прозрачный файл объявление на двери сообщало, что заявленная встреча не состоится. Поняв, что произошло, я тут же отправилась в гостиницу, где он остановился.

Напротив окон уже поджидала группа, изображающая общественное недовольство: несколько человек развернули прямо на тротуаре полиэтиленовую пленку и разлеглись на нее, прикинувшись околевшими, другие, креативные, вспомнили мем «Упоротый лис» и таскали на паланкине рыжее чучело, а один набрал в рот жидкость красного цвета и настолько реалистично изображал кровавые конвульсии, что я подошла удостовериться, все ли в порядке с этим человеком.

Лян Шоушан был раздавлен. Находясь в художественной среде привыкаешь, что обстоятельства, порой, меняют-

ся очень скоро. Вчерашний провал может обернуться завтрашним триумфом. Но Лян был флегматик, с аналитическим складом ума. Служащий из министерства экономического развития сообщил, что его участие в форуме отменяется, в голосе чиновника сквозила растерянность. Лян Шоушана окончательно накрыло:

– Какой позор, закроют лабораторию.

Когда он захотел выйти на улицу, заскучавшие было пикетчики вскочили, разверзнули рты, вскинули плакаты. Доктор Лян отшатнулся, поспешив укрыться в гостинице. Вернувшись в номер, включил телевизор. Выпуски местных новостей повторяли фосфоресцирующие эмоциями сцены протестов. Лян перестал замечать, сколько раз уже нажал на кнопку переключения телевизионных каналов, когда я вошла в номер. Попытавшись успокоить его, диагностировала элиминацию нейронки. Кое-как достучалась, предложила отправиться в кафе (он не принимал пищу уже сутки). Лян бы и хотел уйти, но не представлял как это сделать, ему казалось что люди, окружившие гостиницу, люто его ненавидят.

Мы спустились на первый этаж, там я обнаружила горничную латинос в серо-белой униформе, с именем на пластиковом бейджике «Мариса Фуэнтес».

Мариса обрадовалась, что за этого нелепого, неустроенного постояльца кто-то взялся, хотя бы вот эта высокая женщина, как она нарекла её про себя, Пинья. И ещё, Марисе не нравились беспокойные, спующие возле отеля люди, ко-

торых почему-то очень интересовал с этот жилец, хотя мистер Хилл, владелец, был доволен, что неоновое название гостиницы мелькает в новостях уже целые сутки, совершенно бесплатно. Мариса быстро глянула на изображение с наружных телекамер – почти стемнело, на заднем дворе с мусорными баками – никого. Провела их через внутреннее патио со скамейками и струящимися вдоль извилистой дорожки подстриженными кустарниками, через прачечную, открыла служебный вход. Пинья положила ей в ладошку десять долларов.

– Грациас.

К отелю «Богемия», который Ольга выбрала из-за названия, а также потрясного вида на залив их доставило такси. Поднялись на крышу, в ресторан, сели подальше от других посетителей. Почти стемнело, но Лян предпочёл всё же не снимать ни очки, ни шляпу.

Ольга заказала жареное на гриле мясо, салат и литровую бутылку виски, чтобы в его памяти осталось как можно меньше тяжелых следов этого дня. Лян спросил, почему она решила помочь.

– Леваки, бойко жонглируя софизмами, попытались меня и других художников втянуть в эту массовку. Когда мне навязывают что-то, возникает естественное желание поступить наоборот. Сделать правильно получается не всегда, но это тот случай, когда я могу выбирать. Во-вторых я понимаю, что вы заняты оч-чень важным делом...

Лян начал отплывать в себя и я поспешила сменить тему.

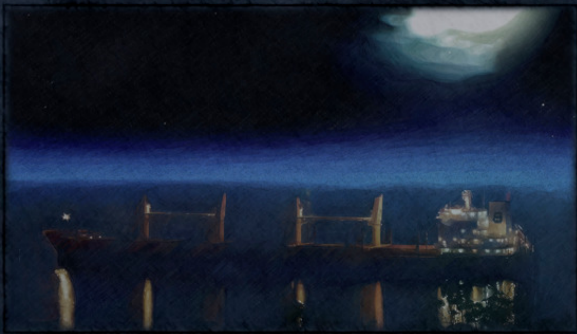
– А вы интересуетесь искусством?

– Постольку-поскольку. Случайно познакомился с одним художником, Ан Вэем.

– Какое совпадение, я тоже его знаю.

– Насколько хорошо?

Тут нашим вниманием завладел фееричный, подсвеченный как рождественское дерево, продублированный собственным отражением в воде сухогруз, торжественно следующий мимо нашей террасы.

– В этот час тут обалденно, но днем лучше не смотреть, чтобы не портить впечатление. Так вот, о чем я? Ах, да... Ан Вэй неожиданно заинтересовался, как бы это... темой соба-

частины. Он спросил художников, кто занимается скульптурой. Ему назвали фамилию Сибольт. Ан Вэй тут же бросился ко мне.

– Вылепите для меня собаку!

– Когда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.